

40-летию областной
писательской организации
посвящается

ПУСТЬ БУДЕТ ЗОРЧЕ ИДУЩИЙ СЛЕДОМ

Литературно-художественный сборник
(областные творческие семинары)

Кострома, 2000 г.

М.Базанков. Иллюстрация к сборнику С.Виноградовой «Облака над озером»

Литературно-художественное издание

Редакционный совет: М.Ф.Базанков, Б.И.Бочкарев,
А.В.Беляев, С.В.Виноградова, О.Н.Гуссаковская,
Ю.В.Лебедев, В.В.Пашин, Е.А.Разумов, П.Р.Румянцев,
Ю.Н.Семенов, В.И.Шапошников

© Костромская областная писательская организация, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Областные творческие семинары (в прошлом — совещания молодых литераторов) имеют давнюю традицию. В их работе принимали участие и многие члены Союза писателей, и перспективные авторы, претендующие на вступление в профессиональный союз. Список литературного актива нашей области постоянно пополняется новыми именами. А вот собрать интересных литераторов за общим столом, провести совместную учебу под руководством уже признанных костромских писателей, обсудить и рекомендовать к печати новые рукописи — это сделать становится все труднее.

В преддверии своего 40-летия Костромская областная писательская организация запланировала провести не только творческие семинары, но и выпустить коллективный сборник, в который войдут произведения одаренных авторов. Надо отметить, что за последнее время областной писательской организацией действительно сделано многое. Наряду с плановым изданием книг членов Союза писателей России по инициативе председателя правления М.Ф.Базанкова был возрожден альманах «Кострома» (вышло 4 выпуска), издана «Антология костромской поэзии», в газете «Литературная Кострома» постоянно печатались начинающие авторы, в качестве спецвыпусков газеты выходили поэтические сборники и небольшие книжечки прозы. В этой серии были изданы первые книги таких авторов, как: Станислав Михайлов, Алексей Акишин, Павел Румянцев, Алексей Зябликов, Ольга Колова, Виктор Смирнов, Светлана Виноградова, Николай Муренин, Борис Дроздов... Кто-то из них при помощи писательской организации выпустил с тех пор уже вторую книгу, кто-то был принят в члены Союза писателей, кто-то стоит на пороге этого важного в жизни литератора события.

Издаются новые книги и теперь — уже не в качестве спецвыпусков газеты «Литературная Кострома», просуществовавшей более 5 лет и выполнившей поставленные задачи. Осваиваются новые технологии, более тщательно отбираются рукописи, налаживается сотрудничество с областной администрацией и администрациями городов и районов области. Бывает и такое, что сам автор занимается поиском средств на издание своей книги, отправляется к спонсорам с ходатайствами писательской организации. В итоге — новые книги выходят, улучшается их полиграфическое исполнение. Московские

гости, приезжающие на литературные чтения в наш город, искренне удивляются обилию талантов и количеству изданного за последние годы.

Необходимость осмыслить издательскую деятельность, продолжить литературную учебу и привела организаторов областных творческих семинаров 2000 года к мысли опубликовать произведения одаренных авторов не после, а еще до семинаров. Конечно же, по итогам семинаров будут публикации в прессе, одобренные руководителями произведения найдут свое место в издательском плане, в новом выпуске альманаха «Кострома» и других коллективных сборниках. А пока мы предлагаем читателям просто познакомиться с нашим литературным активом, возможно, открыть для себя новые интересные имена. Надеемся, что этот сборник станет также добрым напоминанием о творческих семинарах, проводимых областной писательской организацией в столь знаменательное время — накануне смены века, смены тысячелетия.

Удачи всем и взаимопонимания!

Станислав Золотцев

ЛЮБОВЬ К ЭТОЙ ЗЕМЛЕ

... «Не пишутся стихи!» — когда я слышу такие признания от коллег, могу их понять. Но принять сердцем — увольте, не могу... Ясно: смертоносная радиация Смуты выжигает все вокруг сильней, чем чернобыльские лучи, — но ведь на то ты и Поэт, чтобы противопоставить им лучи своего творчества. А если не так, то, может быть, ты стал когда-то служителем музы впрямь лишь по воле судьбы — но не по воле Божьей?..

Сумасшедший вокзал Ярославский,
Тетки с сумками валятся навзничь.
В толчее, в человечьей пустыне
Горлом плачет мужчина о сыне.
Губы серые шепчут: «Серега...
Бог-то где?..» Только нет его, Бога.
Нету Бога. И нет ее, веры.
На перроне галдят пионеры.
На перроне — народ балаганит.
Злой носильщик толкучку таранит,
И среди человечьей пустыни:
Плач о сыне, о сыне, о сыне...

Никто, уверен, или почти никто из читателей моих заметок не знает имени автора этого стихотворения, но я убежден, что оно «прошибает», покоряет и убеждает проникновенно-горькой и высокой музыкой правды любого, кому не чужды

беды и печали россиян, кто вообще не лишен сострадания к судьбе человеческой.

Так запомните же имя этого поэта, читатели, — Леонида Попова. Оно впервые появляется в «большой» периодике, оно пока известно лишь землякам поэта, потому и пишу его крупно и в разрядку: небось не возгордится, не те лета, и суровая жизнь за плечами. И, кроме того, гордыня обычно взыгрывает в тех, кому недостает внутреннего достоинства, а последнее ощущается в самом звучании авторского голоса в стихах Леонида Попова (так, по крайней мере, мне слышится, когда я их читаю: самого его я знаю лишь заочно). Природа его творений такова, что трудно какое-то одно из них назвать сугубо «программным», ибо каждое — суждение, откровение, нередко — мучительный вопрос, но — не декларация; однако в следующих двенадцати строчках, мне кажется, есть некая кристаллизация его сердцевинного отношения к земле — и к слову:

Нет чувства выше, чем тоска
По родине своей.
Кто приходил издалека,
Тот цену знает ей.
Что там, на родине, сейчас?
Ручьи окрест кричат,
И сумасшедше пахнет наст
В апреле по ночам.
Там воздух помнит голос мой,
Там — мать, отец, — народ,
Который, что ни пой, — поймет!
А не поймет... Не пой.

Сколько многое тут сказано в немногом, как тесно тут словам и просторно мыслям и чувствам — сыновним, выношенным годами, выстраданным в годах разлуки с отчим краем. И главное из них есть не умозрительное, не в книгах и в литературных директивах вычитанное, а самой судьбой русского художника слова рожденное понимание первоосновы бытия — бытия соотношений меж народом и меж поэтом, рожденным именно этим народом. Он, народ, те люди, для которых слагается песнь, начинается с матери и отца... О, сколько бед нашей словесности принесло отсутствие у множества ее тружеников, даже и наделенных искрой Божьей, этого, казалось бы, самого естественного состояния в творчестве (при нередком, всеу, декларировании его). И не надо бытьшибко проницательным читателем, чтобы понять: такое отношение к слову как к жизненной, народной реальности у поэта, о коем речь идет, не вмиг появилось: оно — категория Истории Рода — всем существом и на непростом пути вынашивается. Иначе бы тоска по родной земле для Леонида Попова не была бы выше всех чувств, ибо другое ее имя — любовь к этой земле.

О СМЫСЛЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

«Я люблю литературу как средство, которое дает мне возможность высказать все то, что я считаю за истину и благо, если я не могу этого сделать, я литературы уже не ценю: смотреть на нее как на искусство — не моя точка зрения», — заметил однажды Н. С. Лесков. Он был убежден, что литература предназначена поднимать дух человеческий, стремиться к высшему, а не к низшему, и «цели евангельские» для нее дороже любых иных. В его словах сказалась характерная для всех русских писателей-классиков, православная по своей сути нищета духа, «стыдливость художественной формы». На эту особенность русской литературы чаще всего обращали внимание французы. «Ваша поэзия, — сказал Мериме И. С. Тургеневу, — ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске... У Пушкина, — прибавил он, — поэзия чудесным образом расцветает как бы сама собою из самой трезвой прозы».

«Область поэзии бесконечна, как жизнь, — писал Лев Толстой, — но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии, и смешение низших с высшими или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства». Обратим внимание на слово «предвечный», употребленное Толстым. Оно означает, что в сознании русского писателя иерархия ценностей не людьми придумана, не поэтом изобретена. Не человек в этом мире является «мерою всех вещей»: эта мера объективна и существует независимо от наших субъективных желаний, вкусов и пристрастий. Она явлена нам свыше, как солнце, как небо, как звезды, ее можно почувствовать в гармонии национального пейзажа, ее можно ощутить в музыке родного языка.

Вот почему православным русским писателям XIX века была органически чужда теория «самовыражения», согласно которой художник является полноправным и безраздельным

творцом создаваемого им художественного мира. Пушкин настаивал на другом, на прозрении скрытого «лада», на постижении «высшего порядка в окружающем мире». Сама природа русского реализма с этой точки зрения раскрывала глубокие православно-христианские корни. Пушкин призывал писателей не путать вдохновение с восторгом. «Нет, решительно нет: *восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного*. Восторг не предполагает силы ума, располагающей части в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно не в силах произвестъ истиинно великое совершенство (без которого нет лирической поэзии). *Вдохновение?* Есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных. Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии».

В стихотворении «Поэт» Пушкин отрекается от авторской гордыни, он говорит, что в повседневной жизни поэт не отличается от всех смертных и грешных людей: он малодушно предается «заботам суетного света», душа его порою «вкушает хладный сон», и «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Всех удивляло в Пушкине, как впоследствии в Тургеневе и других наших писателях-классиках, отсутствие тщеславия и самомнения. Русский писатель не кичился своим талантом, ибо видел в нем *не личное достоинство, а Божий дар*, данный ему свыше. По отношению к этому дару он, как всякий смертный человек, испытывал высокое, почти религиозное благоговение, свою одаренность русский писатель никогда не считал сугубо личной заслугой. Вдохновение приводило его в священный трепет, ибо в эти мгновения ему открывалась тайна предвечного замысла Бога о мире и людях, и он, смертный, получал дар к ней прикоснуться. Русский писатель видел в искусстве поэзии не «самовыражение», а служение Богу, накладывавшее на поэта высочайшие нравственные обязательства. Перед лицом высшей правды ничто земное не могло заставить поэта отступиться от нее. Отсюда пушкинское: «Поэт, не дорожи любовию народной», отсюда же — хрестоматийные строки пушкинского «Памятника»:

*Веленью Божию, о муга, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.*

Юрий Лебедев

НА ПЕРЕЛОМЕ ВРЕМЕНИ

Споры вокруг того или иного самобытного поэта возникали и раньше. Воспевал когда-то Афанасий Фет природу и любовь, любовь и природу и вызвал своим якобы «уходом от действительности» целую дискуссию о том, к чему призвано искусство: к воспеванию жизни (чем и занимался Фет) или к борьбе за эту жизнь. Но можно ли отделить одно от другого? Литературу советского периода западные знатоки часто, и порой не без основания, обвиняли в «завербованности». Но если призадуматься, вся русская литература, от «Слова о полку Игореве» до Льва Толстого, была «завербованна» общественной, а не только личной страстью, по существу, тем, что обозначают у нас словом *с о б о р н о с т ь*. Эта соборность «рождается только при совершенно *с в о б о д н о м*, ничем не связанном и не ограниченном самораскрытии личности» (В.Кожинов). В этом отличие завербованности некоторой части русской литературы советского периода от «завербованности» русских классиков. Кем был завербован протопоп Аввакум, когда писал свое страстное «Житие»? Ответа не требуется. Другой вопрос в том, какие начала, добрые или злые, порождают эту завербованность. И в этом смысле тот же Афанасий Фет был также завербован, ибо тончайшие соединения в его стихах душевных движений с природными стихиями служили жизни, свету, любви ко всему земному и небесному, а это, конечно же, силы добра, иначе говоря, — общественная польза. Теперь, по прошествии века, можно заключить: мало оценили последующие поколения «гимн жизни» Фета и пошли в поисках другой, глубоко потребительской дороги жизни. И вот результат:

А время-то, братва, смекаете — какое?
И мертвые давно забыли о покое!

(В.Лапшин. Два монолога)

Виктор Лапшин в своем творчестве как никто из известных мне поэтов углубился в мир маленького городка, что, однако, вовсе не исключает связи и с большим миром, и с окружающей ближней местностью, и с общественной жизнью страны. Это просто особая точка зрения, без которой нет отдельного поэта, а есть лишь направления: «тихая лирика», «громкий» эпатаж. Нет лица, а есть программа. Примеры у всех перед глазами. Таких, например, поэтов, как старик Николай Тряпкин или молодой Александр Макаров, не «впихнешь» ни в какое направление, но они отражают со всей душевной страстью глубинную жизнь страны...

О ПОЭЗИИ

Когда художник не знает Бога, он, по сути, играет «в искусство», считая себя абсолютно свободным в этой опасной игре, и тогда начинаются откровенно-формальные, поверхностные отношения с миром, тогда на первое место неизбежно выходят самость, своеолие, тогда ему кажется все вполне пригодным для того, чтобы быть «предметом творческих исканий», материалом для самовыражения. Живем во днях, в которых столько всего наговаривается, набалтывается, выкрикивается... Эпатажное, откровенно-циничное, не брезгующее и грязным словцом, неприкрыто-кощунственное, нарочитодурашливое — все это сегодня в нашей художественной литературе имеет весьма широкое применение.

«Русская поэзия, — пишет Архиепископ Иоанн (Шаховской), — еще не нашла своего высшего выражения. В ней недостаточно «различения духов». Поэты еще хранят с райским духом и преисподний, забавляются им». И добавляет: «Не любят Бога по одной причине: Его не знают». Так это важно понимать, что человек — посредник между его миром и другой силой. Еще более важно понимать — какой силой: Богом или Еgo противником. От нас зависит: какое посредничество мы будем исполнять, а стало быть, и то, в какое состояние придет этот мир — эта великая поэма Бога. Многие литераторы сегодня находятся на распутье в своем духовном, а значит, — и творческом выборе. Многие даже и этого распутья еще не достигли, оставаясь на прежних кривопутьях, даже и не догадываясь о том, что, не зная Бога, оказываются всего лишь «слепыми поводырями слепых». Критика наша об этом главном, все определяющем выборе пока еще не сказала своего веского слова, видимо, не накопив для такого разговора достаточного опыта и знаний. Есть пишущее духовенство, среди которого сегодня отыщутся и профессиональные писатели. Этую роль они должны взять на себя. Есть профессиональные авторитетные писатели, давно и крепко утвердившиеся в православии. Несомненно, и они могут сказать свое слово, которое поможет их собратьям сделать верный духовный выбор и утвердиться в нем. Писателю, как никому другому, пожалуй, необходимо знать, помнить слова Спасителя: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они

ответ в день суда» (Матф.12,36). Если поэзия для тебя, называющего себя поэтом, — «изощренная безделка», то занят ты празднословием, за которое надо будет держать «ответ в день суда».

Архиепископ Иоанн в своем слове, на которое я уже несколько раз ссыпался, определяет поэзию так: «она есть высшее цветение человека в мире». Таковой она была изначально.

Юрий Разгуляев
г.Буй

* * *

Ю.В.Жадовской

Двухэтажная школа и кладбище в центре села —
Вспоминаю нечасто твои, Воскресенье, приметы.
Раз в году — потому что здесь муз Жадовской жила —
Приезжают в село не особо большие поэты.

Что сказать о помещице? Проще сказать о любви.
Да, жила, да, страдала, но мало кто помнит детали.
А когда доверяла чернилам печали свои,
То в обеих столицах печали ее повторяли.

Я, безумная, все еще вас, говорила, люблю,
И при имени вашем душа, говорила, трепещет.
Толстиково молчало. А доктор сказал во хмелию,
Что в вечерних прогулках мерещатся странные вещи.

И горчичники ставил, микстуру болтал в пузырьке.
И шепталаась прислука: замучила барыню жаба...
Двадцать лет не писала, наверно, хотя и могла бы.
В сентябре умерла от больших городов вдалеке.

Воскресенье, окрест белый полдень течет к облакам,
И — к слиянию Кега, Корёги сестра дорогая.
В этих землях глухих я учился читать по слогам.
Жизнь проходит быстрее, чем в юности мы полагаем.

* * *

А я еще плыву, и бездны подо мной!..
Н.И.Гнедич

А я еще живу и, напрягая зренье,
Пытаюсь распознать насущности черты,
И в безобразии — изнанку красоты,
И сладость лета — в горечи кореньев.

Зеленой тяжестью измучены леса.
И духотою город переполнен.
И легких ласточек роняют небеса
Перед грозой, почти догнавшей полдень.

И боязно хоть что-нибудь узнать
Из тайн судьбы и скрытых настроений.
Здесь можно жить, но так и не понять
В привычках улочек — вселенских откровений.

Провинция. А всмотришься — страна:
Меняют ценники и с рук торгают брагой...
А я еще плыву, давясь соленою влагой,
И бездна подо мной, и надо мной она.

* * *

И в городке, чей день идет под гору,
Дома быстрее жителей стареют,
И стало тесным кладбище для горя,
И псы домашние бродячих не добре.

И в городке, где книг не покупают
(Все больше молятся и просьб чужих не слышат), —
Жизнь не кончается. Ее поэты пишут,
В колясках детских матери катают,

Ее растят — легко сказать — «на дачах»,
И усложняют жуткими вещами,
И, собираясь в праздники, судачат
О ней,
и ни за что ее прощают.

Николай Востров

СРОКИ

Нет, не дни — стали годы короче.
Расстилается память ковром.
И былое нельзя опорочить.
С ним живем. Потеряем — умрем.
И не ночи, а думы длиннее.
Не приметы, а сроки в цене.
Бронзоветь не успел. Костенею.
Слава Богу, хоть пишется мне.
Хорошо, что столбы не упали
И прошел стороною содом.
И приманно приветствуют дали
Справедливым и четким судом.
О грядущем безумствуют грезы,
О былом сонм видений глухих.
Отголоском последней занозы
Завязался назойливый стих.
Что длиннее... короче... Морока!
Стар устав. Вечен круг. Мир не нов.
Не бывает паденья до срока.
И не будет до срока плодов.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПЛЯСКА

Ну-ка — в пляс, в пляс, в пляс!
Вот как — раз! раз! раз!
Гармонист, играй живей —
Веселее, веселей!

Стук! Стук! Стук! Стук!
Рассыпайся в дробь, каблук!

Скок! Скок! Скок! Скок!
Выговаривай, носок!
И вприсядку, и бочком,
На носок за каблучком!

Ух! Ух! Ты петух!
Вышибай из горя дух!

На руках и на носках —
Рыбку, рыбку, рыбку! Ах!

Любо! Любо! Чок! Чок!
Каблучок о каблучок!

Сыпь! Сыпь! Подсыпай!
Сыпь! Сыпь! Подсыпай!
Да почаше, почаше,
Почаше играй!

* * *

Подобная зыбучему болоту,
Подобная сыпучему песку,
Молчит моя любовь и ждет чего-то,
И сердце постоянно начеку.

Да, учат нас и были, и преданья,
Но, видно, не учли мы одного:
Любовью верховодит ожиданье,
Вот именно, чего-то сверх того.

* * *

Д...

Так — среди раздумий, так — среди тревог
Я тебя, родную, позабыть не мог.
Совести укоры слышу — и терплю...
Не имею права — все-таки люблю.

Хлещет больно память, содрогаюсь я.
Есть же, есть на свете отчие края!
Есть же там тропинка — для двоих она...
Только нету счастья, главного звена.

Я ушел от счастья... Горе, горе мне!
Утоплю я память в огненном вине,
Заглушу я сердце, зверем буду я...
Что с тобою стало, молодость моя!

НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Казалось мне,
    грамотным людям я дал
Все то прочитать,
    что я сам написал,
А мне отвечали — поэзии нет,
А мне повторяли, что я не поэт.
Долбили, долбили —
    что дятел, то спец! —
И чуть не убили... Глупец я, глупец!

ОБРАЩЕНИЕ

Не меняя напор год от года,
Набегает отзывчивый стих,
И поэтому дай мне, природа,
Сколько можешь, томлений твоих.

Сердце выдержит, жизнь отражая,
И наскок, и навет, и обман.
Хоть не этого ждал урожая,
Не умру от полученных ран.

Не сарказм, не везучесть, не мода
Верховодили, рифмой звеня,
И поэтому дай мне, природа,
Сколько можешь, живого огня.

За душой еще песен немало
Ждут в церковнославянском строю.
Наше время еще не пропало,
Эти гимны, Бог даст, пропою.

Свет велик, далеко до отхода,
Волны чувства пошли горячей,
И поэтому дай мне, природа,
Сколько можешь, и дней, и ночей.

Ольга Колова
Парфеньевский район

* * *

Как близко небо пред снегопадом!
Предзимье. Лишь тишина... И небо —
Клубится, мреет и дышит рядом.
Душа замрет: ничего не требуй.

А небо копит... Вот-вот обрушит
Громады туч, как Суда решенье...
Но благодатью нисходит в душу
Зимы спасительное забвенье.

Душа трепещет, душа ликует,
На миг забывшись в шальном круженье —
Но как же мир без нее пребудет? —
И возвратится в изнеможенье.

А он уж белый!..
И чистый-чистый...
Хотя такой же несовершенный.
Снежок несмелый в рябинной кисти —
И то отрада душе блаженной.

* * *

Лишь призрачными всполохами счастья
Мелькнуло лето;
сном непроявившимся,
Сверкнувшим в подсознанье
и — забывшимся,
Иль торжеством
без моего участия.
Но август, спохватившись,
в извинение,
Мне золотых шаров
вручил сияние
И сумерки, ненастные,

осенние,
Вдруг озарил рябин
кострами ранними.
Он поразить стремился
изобилием
Плодов, не слыша стонов
веток выгнутых.
И я кричу в смятенье
от бессилия
Нести в себе всю тяжесть их,
не выплакав:
«Уймись ты, август! Видишь —
ветви ломятся
От твоего усердия
и щедрости.
Пригоршнями их боли
сердце полнится...»
Но зреет горечь сладостью и...
нежностью...
От августа...

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Апрельской нежностью обласкана земля,
И вербы мягкими, душистыми губами
Пьют синеву и теплоту, плывя
В пространстве золотыми облаками.

Уж лес иной! И кажется, что в нем
Затеплены лампады, как во храме,
Иль нимбов благодатное сиянье
Преобразило вешний окоем.

Быть может, утешение лия,
Бредут по лесу русские святые,
Молитвами которых и поныне
Жива и свята русская земля.

Меж сосен сумрачных, видениям сродни,
Деревья скромные — в цвету весною ранней...
Здесь, на Руси распятье и страданье
Благословляют золотом они.

ВЕДОМО

— Эй! Бабка Нюра, здравствуй! Как живешь-то?

— Да ничего, малинушка... живу...

Дает Господь — дак жаловаться пошто?

Живу себе, покуда призовут.

Аль это Оля? Я и не признала...

Дай погляжу... И правда — Оля. Ну,

Совсем слепая баушка-то стала.

Того, мотри, блудиться уж начну.

Да, слава Богу, ноги ешшо ходят, —

Все дивятся, что не догонишь, мол.

Восемьдесят седьмой сравнялся годик.

Да-а, с сентября восьмой уже пошел.

— Козушку-то, баб Нюра, ты все держишь?

— Ну ве-е-домо! А как я без нее?

Козушка что подружка. Аль зарежешь?..

Какое в одиночку-то житье?!!

— И молочко свое...

— Вот накружи-и-ла...

Ведь яловая — уж четвертый год!

Подумала — сугнна, запустила,

А та травы натяпала в живот,

Вот и раздуло лещую. Ну, ладно,

Живи. Мне все охотнее с тобой.

А летом-то и вовсе мне повадно:

Поду куда — она везде со мной.

Овца вот ешшо есть да пара кошек...

— А по воду-то тяжело, поди?

— Да веть недалеко. Господь поможет!

Увидит кто: «Эй, бауш, погоди!» —

И донесут, и в лесенку подымут,

Да много ли мне надо-то воды...

Ковш на себя да ковщик на скотину.

Вот накормлю — и все мои труды.

— Зато встаешь-то ты, поди-ко, рано?

— Да полно! Как проснусь, так и встаю.

Ну, ведомо, в потемках. А устану,

Кода смеркнется, — Господу пою.

И «Отче наш» и «Верую» читала

Мне бабка та на лавке средь села.

И, кончив, начинала вновь, сначала.

Молитва в ней дышала и жила.
И теплота из глаз ее лучилась:
Душа дарила миру свой покой.
Казалось, что на все сходила Милость,
Когда она трясущейся рукой
Себя знаменьем крестным осеняла...
И службе этой стала помогать
Часовенка, что рядом стояла
И ведала, КАК надо ей стоять.
К ней, превращенной хамством в ларь казенный,
Служившей торго складом туш мясных,
А ныне ветхой и опустошенной,
Был бабкой обращен духовный стих:

«Боже праведный, великий,
Научи, как в мире жить,
Обнови мне дух, владыка,
Помоги врага любить.
Дай мне, Господи, уменья
Все обиды забывать,
Научи меня смиренью
Крест нести и не роптать».

Ольга Колова, Елена Балашова

Руководители семинара прозы. На первом плане — Константин Абатуров

СВЕТИТЬ ВСЕГДА!

С надеждой жду открытия первого в двухтысячном году областного писательского совещания-семинара. Время очень ответственное. Художественная литература находится в бедствии. Тяжелейшей проблемой стало издание книг. Многие издательства, выпускавшие в советское время книги о народной жизни, ликвидированы. Это породило неуверенность в среде писателей, особенно молодых.

Большие испытания на крепость, выживание держит сейчас каждая писательская организация. Наша, слава Богу, выстояла, несмотря даже на уход из нее группы писателей. Не растерялась!

К годичному сбору организация может подвести и некоторые итоги своей издательской деятельности. Да, издание книг она взяла в свои руки. Увидели свет новые сборники стихов и прозы. Для молодых — это путевка в жизнь. Возобновился после длительного перерыва выпуск альманаха, вышла «Антология костромской поэзии».

Многие произведения изданы при участии областной администрации. Хочется надеяться на ее содействие и впредь. Нужна прежде всего финансовая помощь.

Разумеется, дело не только в количестве издаваемых книг. Будет хорошо, если на совещании-семинаре развернется принципиальный разговор о качестве произведений, повышении их художественного уровня, правдивого отображения действительности. Эти задачи и ранее ставились перед литераторами, но теперь, в тревожное время, они приобретают особенно большое значение. Писатель должен определиться, с кем он, кому служит.

Давайте вспомним животрепещущий лозунг великого поэта-трибуна Владимира Маяковского, который призывал писателей всем своим творчеством освещать жизненный путь: «Светить — и никаких гвоздей!»

Общество возлагает большую надежду на молодых. Им продолжать дело старшего поколения. Нельзя терять время для литературной учебы. Семинары как раз и являются той школой, в которой нуждается прежде всего молодежь. Пусть выступят на занятиях ветераны литературы, введут новичков в свои творческие лаборатории, поделятся опытом, «тайнами» писательского дела.

Помню, как собирались семинары в годы становления творческой организации. Участники семинара приезжали в Кострому с рукописями, еще до начала занятий знакомили с ними друг друга. В каждом уголке небольшого нашего помещения стоял шум, читали, спорили. Это уже во многом предопределяло ход обсуждения и отбора рукописей для публикации.

В организации и проведении семинаров активное участие принимали обком комсомола и управление культуры. Не в качестве гостей приходили руководящие работники области, редакторы областного книжного издательства. И какую радость испытывали начинающие литераторы с публикацией первых произведений!

Семинары стали у нас традицией. Они, помимо всего, ценные тем, что привлекают к участию не только пишущих, но и читателей, любителей книг, имеют воспитательное значение.

Творческая организация наша выросла, набрала заметную силу. Сегодня мы с благодарностью называем имена тех, кто стоял у ее истоков. Мое поколение помнит старейшего писателя Вячеслава Алексеевича Лебедева, родившегося в Костроме и не потерявшего с ней связи до конца своей жизни. Человек этот многознающий, завидной образованности. Горький назвал В.А.Лебедева в числе наиболее талантливых литераторов, отметив наряду с романом «Соть» Л.Леонова и его книгу «Дары

Тин Тин-хо», дающую широкие обобщения. В шестидесятые годы Вячеслав Алексеевич написал трилогию о самом Горьком — «Крылья Буревестника». Не забыл он и о земляках, выступил с романами и повестями о караваевских героях труда.

В.А.Лебедев помогал начинающим авторам, по его инициативе было создано областное литобъединение, на основе которого позже и была создана писательская организация. А кто из старожилов не помнит приезды в Кострому известного писателя, автора замечательного романа «Открытие мира» Василия Александровича Смирнова, который помог нам в постижении секретов литературного мастерства. Он возглавлял Ярославскую организацию, затем был избран секретарем Союза писателей.

— Литератор, художник должен писать современность, рождать добро, — напоминал он. — Если мы, современники, этого не сделаем, то после нас скрытые сейчас злопыхатели вылезут из своих нор и все извратят. Белое сделают черным, оплюют честных людей.

Как в воду глядел мудрый Василий Александрович. Было радостно получить от него отзыв на рукопись. Порой резковат был в оценках, но правдив.

Тесную связь держал со своими земляками подвижник русской культуры и словесности Евгений Иванович Осетров. Прошло уже семь лет после кончины Евгения Ивановича, но дорога к нему не опустела. Регулярно проводятся Осетровские литературные чтения. Улица, на которой он жил до переезда в Москву, названа его именем. Младший брат Юрий выпустил в память о нем книгу «Улица моего брата», читатели встретили ее с большим интересом, с благодарностью. Высоко ценят наши читатели своих достойных земляков.

Жили, работали в Костроме писатели-журналисты Юрий Грибов и Виктор Хохлов. Их хорошо помнит наше поколение. Ныне они москвичи. Известные писатели. А связь с Костромой? К удовлетворению читателей, продолжается, не ослабевает. В этом я вижу неизбывно-прекрасное чувство товарищества.

Словом, творческие связи ширятся. Но и требования к нам, литераторам, возрастают. Главное сейчас — более тесная сплоченность; не разъединение, которое ведет к разброду, к упадку творчества, а объединение, учеба, освоение мастерства. У нас есть на кого держать равнение, есть силы. Так что — свечить всегда и везде!

Константин Абатуров

Зинаида Чалунина
г.Волгореченск

* * *

Я на тебя смотрю опять,
Нет, не в глаза, а со сторонки.
Должно быть, сердцу замирать
До старости, как у девчонки.

Все собираюсь каждый раз,
Но о любви сказать не смею,
Хотя давно переплелась
Твоя судьба с судьбой моей.

Вот и сегодня промолчу,
Тихонько рядышком присяду,
К родному прислонюсь плечу,
И больше ничего не надо.

Пусть за окном ветра шумят,
Нам не страшна любая выюга,
Не зря же много лет назад
Мы сердцем выбрали друг друга.

Не потому ль нам жизнь дарит
Любви прекраснейшие сроки,
Когда молчанье говорит
Красноречивей слов высоких.

* * *

У бабки Полюшки четыре дочери.
По зимам брали все старушку в очередь.
Но в шумном городе, средь модной мебели,
Уюта теплого ей как-то не было.
Ночами долгими, лишь сном забудется,
Как наяву, в глазах родная улица.

Брела по тропочке к колодцу с ведрами,
Подругам кланялась с словами добрыми.
Гремя ухватами, возилась с печкою...
Да шла молоденькой над тихой речкою...
А нынче осенью ждала, ждала детей,
Но, видно, выдались у них дела важней.
Что недосказано, что недоделано
И что не прожито — какое дело им!

Еще одна свеча недогоревшая,
Еще одна изба осиротевшая.

ОТЗВУКИ

Благословенны лето, отпуск, зной,
Простые мысли и дела простые!
Ничем не перегружен разум мой,
Перебираю ягоды лесные.

Какие-то травинки, иван-чай,
Хвоинок стрелки рыжие прилипли.
Мурашик бойкий выполз — догоняй!
А вот улитка вялая поникла.

Кипит варенье. Кружат две осы.
Парок душистый над кастрюлей вьется...
Спокойные-спокойные часы.
Я знаю: это время отзовется.

Я знаю: где-то посреди зимы,
Забот, простуды, просто утомленья,
Придя с мороза, чай поставим мы
И будем пить с малиновым вареньем.

И кто-то улыбнется всем, сказав:
«А мне хвоинку лесовик подбросил!»
И вдруг повеет ароматом трав,
Горячим полднем, гулом старых сосен.

ЗВЕЗДА

Деревья стынут по ночам
В большой холодной полудреме.
Звезда над лесом, как свеча,
Горит, горит в небесном доме,

До света стережет покой
Вот этих елей и осинок,
Висит меж небом и землей,
Как огонек неугасимый.

И мнится: добрая душа,
Закончив круг земной юдоли,
Звездою вечности взошла
Над черным лесом и над полем...

За каждый шаг нам отвечать
В Пределах Вечного Покоя —
Живите так, чтоб засиять
В конце пути ночной звездою.

Не утверждайте сгоряча,
Что ничего не остается:
Погаснет на земле свеча —
На небе звездочка зажжется.

Зинаида Чалунина, Фаина Соломатова

Виктор Хохлов

У НАС БЫЛИ ЛИЧНОСТИ

... Нежданно-негаданно меня пригласил зайти редактор Костромского книжного издательства Николай Борков. Высокий, подтянутый, с совершенно лысой головой, с душевной улыбкой и предупредительными манерами старого интеллигента, Николай Борков сразу внушал уважение и располагал к себе. Меня он встретил с таким радушием, будто мы были давно знакомы. Добрым словом отзывался о моих газетных публикациях и радиопередачах и с ходу предложил «сделать книжку» — написать очерк или небольшую документальную повесть на полтора-два печатных листа. Я, даже растерялся: уж больно неожиданно. Не переоценивал ли этот всеми уважаемый издатель моих возможностей? Николай Александрович истолковал мое замешательство по-своему, дружески улыбнувшись, сообщил, что уже сегодня, как только будет подписан издательский договор, я смогу получить двадцать пять процентов при читающегося гонорара — первый аванс.

В кабинете, кроме Боркова, находился еще один человек, по-видимому, тоже сотрудник издательства. Он сидел, склонившись над бумагами, что-то там размашисто черкая, вписывая, исправляя, и, казалось, не обращал на нас никакого внимания, даже не слышал, о чем шел разговор. И вдруг, оторвавшись от работы, спросил, адресуясь ко мне:

— Простите, вы и стихи пишете?

Несколько озадаченный столь неожиданным вопросом, я лишь руками развел:

— Увы...

— А мне почему-то показалось. Читал вашу рукопись, Николай Александрович давал, у вас там стихи вставлены, очень, знаете, недурные. И вообще очерк мне понравился, искренне сожалею, что так получилось...

Я хотел было объяснить, что стихи не мои, а одного фронтового поэта, по поводу чего там оговорка имеется, но в разговор вмешался смеющийся Борков.

— Ну вот, человек даже не знает, с кем имеет дело, а его сразу в такой оборот да еще с соболезнованием. — И, обернувшись ко мне, представил: — Рекомендую: Евгений Федорович Старшинов, зав. редакцией поэзии, а если проще — наш поэт. Уверен, вы уже слышали о нем.

…Фамилия Старшинова тогда была у всех на слуху, стихи его печатались в «Северной правде» и альманахе «Кострома», а кто-то из писателей даже предрекал ему в шуточном стихотворном послании быть «старшиной в литературе».

Слышал я и о том, что Евгений Старшинов тоже участник войны, был командиром минометного взвода на Первом Украинском фронте, храбро воевал, о чем свидетельствовали несколько боевых орденов. Теперь же он принадлежал к числу тех, из кого, условно говоря, составился «литературный корпус» Костромы. Впрочем, корпус это, конечно, слишком громко — ну, рота, может быть. И если уж продолжать армейскую терминологию, то можно сказать, что входили в это боевое формирование фронтовики и труженики тыла, строевые и вольнонаемные, сверхсрочники и допризывная молодежь. Со многими из них я познакомился еще раньше, когда работал в радиокомитете и время от времени забегал в «Северняшку», чтобы предложить свой фельетон.

* * *

Народ в редакции собрался как на подбор: шумный, острый, боевой. Выделялись Алексей Никитин, Александр Часовников, Юрий Белостоцкий, Виктор Хрящев. Вот где кипели страсти! Велик ли штат редакции областной газеты, сотрудников по пальцам можно пересчитать, а существовали творческие группировки, и на летучках, особенно при обсуждении литературных материалов, стоял «треск щитов и звон мечей». Итоги баталий подводили и «раны считали» вечером после работы. При этом было в порядке вещей, если кто-то предлагал послушать отрывочек из новой, еще не родившейся поэмы или доверительно сообщал, что наконец-то засел за давно задуманный роман. И никого это ничуть не удивляло, никто не уточнял, как это понимать — «засел», словно каждый располагал прорвой свободного времени и запросто мог пренебречь газетой на месяцок - другой. Об этом просто не думали, убеждены были: писатель потому и писатель, что не может не писать. А когда он пишет, из какого сосуда вдохновение черпает, только Богу известно да ему самому. Главное же, верили: книга будет!

Проходило какое-то время, и та самая книга действительно появлялась на свет. И литературное сообщество уже горячо, с пристрастием обсуждало то поэтические сборники Евгения Старшинова и Александра Часовникова, то повесть Алексея Никитина «Ткань цветет» и его же роман «Андрей Рокотов», то исповедальную книгу стихов Виктора Волкова «Испытание», то роман Константина Абатурова «Утренний свет».

Центр литературного притяжения к тому времени как-то незаметно из редакции газеты переместился в книжное издательство, при этом творческое общение приобрело большую основательность и солидность. Довольно частыми и регулярными стали заседания художественного совета, на которых обсуждались (с прицелом на издание) новые вещи, объявлялись только что открытые где-нибудь в отдаленных районах области литературные имена.

Это был период, когда в жизни литературной Костромы назревали еще не вполне ясные, но уже заметные перемены. Одних они тревожили, других радовали, третьи беспокойно и торопливо искали единомышленников, четвертые в предвидении чего-то нового с головой погружались в творческий труд.

Кажется, почти вовсе порвал связи с Костромой ставший к тому времени маститым писателем-ветераном Вячеслав Лебедев. В течение нескольких лет литературное объединение возглавлял поэт Николай Соколов, но и он вслед за Вячеславом Лебедевым тоже отбыл на постоянное жительство в Москву, где ему предложена была должность секретаря приемной комиссии Литературного института.

Председателем объединения стал Алексей Никитин. Даже если бы кто-то задался целью подобрать на смену прежнему руководителю личность, непременно на него не похожую, более подходящей фигуры все равно бы не нашел. Они отличались друг от друга всем: безграничная влюбленность в поэзию одного и безоговорочная преданность сюровой прозе другого, неторопливость, осторожность в принятии решений и не терпящие никаких колебаний, бескомпромиссные выводы, болезненная уклончивость и солдатская прямота. Внешность Алексея Ивановича как нельзя лучше соответствовала его душевному складу. Высокий, прямой, жилистый, с острым, пронзительным взглядом и резко очерченным ртом, он и в движениях, в жестах был также стремителен и быстр.

* * *

Кто-то из писателей, окидывая оценивающим взглядом тот костромской литературный горизонт, приподнято сказал: «У нас были личности». Вот присутствие именно Личностей я отмечал тогда с радостью и надеждой. И Константин Абатуров, на какое-то время возглавивший книжное издательство, и Алексей Никитин, и Евгений Старшинов, и Александр Часовников, и Светлана Степанова, и молодой ученый-филолог и литературовед Николай Скатов, и еще другие, о которых при возможности упомяну потом, — все это были Личности со своими темпераментами, характерами, талантами. Общение с

ними доставляло истинное удовольствие, волновало, беспокоило, обогащало.

Встречались мы довольно часто. И потребность во встречах была, и какие-то дела в издательстве всегда находились. В частности — рукописи для «закрытых» рецензий. И порою случалось: возьмешь такую рукопись, прочтешь ночью и едва до утра дождешься, чтобы радостью открытия с кем-нибудь поделиться.

Так было, к примеру, когда в руки мне попала повесть Николая Алешина «Проня Девяткин» и я волею судеб оказался первым ее читателем, даже заведующий редакцией прозы Святослав Поясов не успел пробежать. Я прочитал рукопись, как принято говорить, на одном дыхании, лишь после вспомнив, что я не просто читатель, а прежде всего рецензент. Мысленно поздравив автора с бесспорной удачей, стал не спеша листать повесть снова... Если не ошибаюсь, именно за это произведение принят был Николай Павлович Алешин в Союз писателей ССР.

Похожие чувства испытывал я, знакомясь с рукописью первой книжки Леонида Воробьева. Это были рассказы. В некоторых из них угадывалось подражание кому-то из классиков, но какое легкое, я бы сказал, талантливое подражание! У меня язык не повернулся сказать ему об этом, чтобы нечаянным, пусть и необидным словом не вспугнуть тот чудесный светлый настрой, который овладел молодым начинающим писателем под влиянием своего кумира. Уже потом, спустя время, после того, как вышли у Лени Воробьева и вторая, и третья книжки, я по какому-то случаю напомнил ему об этом. Так не признался ведь или, может, не захотел признать, что в начале творческого пути слегка подражал кому-то. И я не стал спорить. С какой стати? Передо мной сидел юный талант, которого в Москве на секретариате СП России принародно называли одаренным русским писателем. Еще бы не гордиться!

Но самое интересное происходило все-таки, когда мы собирались все вместе, чтобы накоротке рассмотреть кое-какие текущие вопросы и обстоятельно обсудить чью-то рукопись. Это происходило обычно вечером, после работы. Рассаживались впритирку на старом кожаном диване и на стульях в тестоватом, но таком уютном, обжитом издательском кабинетике; кто-нибудь непременно доставал — чтоб была под рукой — табличку с надписью «Краткость — сестра таланта», и заседание начиналось.

Иногда обсуждение проходило «на ура», автора дружно и шумно поздравляли с удачей, так что в пору было без всяких проволочек сдавать книгу в набор; чаще не обходилось без критических замечаний; случалось, и вовсе ставили на рукописи крест.

* * *

Наша провинциальная литературная жизнь наперекор всему продолжала бурлить, и особенно это кипение проявилось в связи с проведением отчетно-выборного собрания или конференции (не знаю, как правильней назвать).

Народу собралось — не протолкнуться. В коридоре бойко шла книжная торговля. Александр Часовников щедро раздавал стихотворные автографы и экспромты, на которые он был великий мастак. Счастливый Алексей Румянцев хвастался сигнальным экземпляром книжки с загадочно-интригующим названием «Я видел Сусанина». Пессимист Виктор Хрящев, притворно морщась, показывал книгу лирических волжских рассказов. Как всегда жизнерадостная, Светлана Степанова звонко читала кому-то новые стихи о любви. По-офицерски подтянутый Юрий Грибов скромно помалкивал, хотя в планшете у него тоже лежали две недавно вышедшие книжечки: военная повесть «Сильнее смерти» и сатирический сборник «Дуплетом огонь!». С тихой усмешечкой поглядывал вокруг стоявший в сторонке поэт-сатирик Вячеслав Смирнов.

Но самое интересное началось, конечно, чуть позднее, когда эти люди, сменяя друг друга, стали выходить на трибуну, каждый со своими радостями и обидами, надеждами и сомнениями, планами и новостями, такие разные, такие яркие и темпераментные, что всякая мысль о закрытии нашего издательства казалась нелепой и вздорной.

Еще одну знаменательную деталь вспоминаю. К нам на собрание пришли костромские художники: Александр Кутлин, Иван Крылов, Анатолий Яблоков, Алексей Баранов, Валентин Хохрин, Алексей Рябиков и даже обычно стоявший несколько в сторонке от общих дел Сергей Веденеев. Предшествовала этому скромная просьба, с которой я обратился по старому знакомству не то к Алексею Баранову, не то к оформлявшему мою книжку Ивану Крылову: немножко помочь с выпуском специального номера стенгазеты. Так они отзовались все! И стенгазета наша превратилась в небольшую художественную выставку дружеских шаржей — остроумных, добрых, великолепных по мастерству. Такого сюрприза не ожидал никто. Авторы рисунков были тут же, не спешили уходить, вели оживленные разговоры с друзьями-писателями, осторожно и с беспокойством осведомлялись о пока еще не вполне ясной угрозе, нависшей над издательством, как бы заранее выражая готовность в случае чего оказать свою поддержку. Ведь большинство из них тоже были участники войны. Все это придавало еще большую значительность вроде бы заурядному событию, усиливало впечатление, что нас много и все вместе мы сильны.

Да, мы назывались пока скромно литературным объединением; костромской писательской организации еще не существовало, но уже все было готово к рождению ее. Пройдет совсем немного времени — и такая организация будет создана. Возглавит ее переехавший в Кострому из Куйбышева участник и инвалид Великой Отечественной войны Владимир Корнилов, прозаик, романист. Почти в это же время сменит Ярославль на Кострому еще один ветеран войны, поэт и прозаик Василий Бочарников; громко заявят о себе Вячеслав Шапошников, Василий Старостин, Игорь Дедков, Михаил Базанков.

А окрепшая писательская «община», следуя давним традициям, сможет поделиться талантами со столицей и другими градами России. При этом определенное предпочтение будет отдано примеру славного русского издателя-земляка Ивана Дмитриевича Сытина: уже упоминавшийся молодой прозаик из Павина Леонид Фролов со временем станет генеральным директором издательства «Современник», также упомянутый выше поэт Александр Целищев возглавит редакцию поэзии в другом крупном издательстве Москвы «Советская Россия»; нерехтчанина Владимира Вахромеева сначала узнают как заведующего редакцией в Детгизе, а затем — главного редактора издательства «Русское слово»...

Можно было бы продолжить этот впечатляющий перечень, скажем, упомянув о том, сколь достойно пополнили список известных писателей Москвы поэт Владимир Костров, прозаик, критик Евгений Остров, а Ленинграда — известный учений-литературовед Николай Скатов...

В дальний путь...

Старое фото... Группа участников одного из традиционных ежегодных совещаний костромских литераторов шестидесятых годов. В верхнем ряду — Владислав Фатянов и Иван Голубев, в нижнем — слева от меня — Леонид Федоров и Олег Киселев, а справа — Николай Колотилов и Алексей Никитин. Четверых, увы, уже нет с нами, почти всего нижнего ряда. Первыми ушли, не успев издать даже по сборничку стихотворений, самые молодые — Л.Федоров и О.Киселев. Стихи обоих, а особенно песни Федорова, многие в Костроме помнят и поныне. Колотилов с Никитиным уже тогда были достаточно известны: у первого было издано несколько поэтических книг, у второго — большой роман «Андрей Рокотов» и целый ряд сборников повестей, рассказов и очерков. Сколько с каждым из них было памятных встреч, совместных поездок и выступлений, долгих задушевных разговоров!.. Взяться бы однажды да записать хотя бы самое интересное...

Анатолий Беляев

Виктор Смирнов
Шарьинский район

МАТЬ

Дом пятистенок уткнулся в траву,
Крыша дождями намокла,
Белая лента на Божьем углу,
И заколочены окна.
Здесь одиноко старушка жила,
Смерти страшилась едва ли,
Долго болела и вот умерла,
Дети живой не застали.
Им бы пораньше приехать сюда,
В дом, к материнской постели, —
Крепко их держат свои города,
Да и не очень хотели...
Дочь и два сына — их можно понять?..
Тут понимать и не надо:
Стала обузою старая мать,
Мать с деревенским укладом.
Если бы знали, как мать их ждала,
Как ожиданьем томилась
И никого ни за что не кляла,
Только лишь Богу молилась.
Пусть было горько ей, пусть нелегко, —
Лаской делилась со всеми.
Дань милосердную — хлеб, молоко —
Ей приносили соседи.
Вышла деревня ее хоронить,
Было народу немного.
...Поздно кого-то ругать и винить.
Все мы грешны перед Богом.

ПИСЬМО НА ВЕТЛУГУ

Ты ушла под шорох желтой выюги
По дороге, взбухшей от воды.
Я приду к тебе и до Ветлуги
Буду целовать твои следы.

Я найду их среди старых сосен,
На песке, на глине, на траве...
Их не смоет взвалмошная осень,
Их не скрыть в порхающей листве.

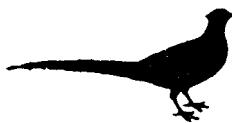
Здесь меня ничто не остановит,
И, к тебе с надеждою спеша,
Мне б хотелось, чтобы чувством новым
Занялась избитая душа.

Но не знаю, как меня ты встретишь,
Кем предстану я перед тобой, —
Всякое случается на свете,
Все мы перед Богом и судьбой.

Что же остается, дорогая,
Если наша молодость прошла,
Если одиночество сжигает
И испепеляет нас дотла?..

Встретимся. Кому какое дело...
У людей своих хватает дел.
Лишь бы ты ко мне не охладела.
Лишь бы я к тебе не охладел.

Татьяна Дмитриева
г.ШарьЯ

МОЛИТВА

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
Грешную — помилуй меня!
Истину в душе не смути сладкой ложью,
Доброту на жалость сменяв.

Не позволь ни к близким, ни к дальним гордыни,
Научи прощать и любить,
Как глоток воды изможденной в пустыне,
Каждый миг ценя, жизнь испить,

Не роптать в пути, не срываться на слабых,
Гнать, смеясь, уныние прочь,
Стукнувшись, винить лишь себя, а не грабли,
Веря, что рассвет сменит ночь...

Час пробьет — в одну колыбельку положат.
Стоит ли себе изменять?
... Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
Грешную — помилуй меня!

* * *

Яне

В выцветшем платье, похожем на рубище,
Солнцем опалена,
На сквозняке между прошлым и будущим —
Я у тебя одна.

Бури не все миновали, я чувствую.
Что впереди нас ждет?..
Нервные пальцы отчаянно хрустнули.
Века последний год.

Лета макушка. Пора сенокосная.
А на душе — зима.
Снова твердишь мне, как в детстве, по-взрослому
С вызовом: «Я сама!»

Грозам назло, вопреки всем пророчествам,
Веря и любя,
Ах, как мне хочется, хочется, хочется
Лучшего для тебя!

* * *

Кошачьи изменчивый
Нрав, как у дикарки.
Что характер женщины?
Утренники марта.
То с утра взъерошенно
Фыркают ветрами,
То скребут порошкою
По оконной раме,

То от солнца жмурятся
На снегу вальяжно,
Плачутся по улицам
На плече на каждом
И устало к вечеру
Тенью птичьеи стаи,
Укрывая плечи мне,
Тают...

РАССВЕТ

А.Разумову

Коснется первый луч чуть дрогнувших ресниц,
Взлетевшей птицы тень ночь отсечет крылами,
Высокие — до звезд! — мои нарушит сны,
И где-то на крыльце услышу голос мамин.

Стряхнув остатки сна, лениво потянусь,
Затем, рывком с себя отбросив одеяло,
Сбегу в овраг к ручью, ладошкой зачерпну
Его живой воды под веткой краснотала.

И вздрогну, замерев пред этой красотой,
Что в зеркале воды, играя, отразится.
И зазвенит вдруг луг, от солнца золотой,
И солнечная пыль меж сосен заструится.

* * *

Мягкий снег, как твои руки,
На мои ложится плечи.
Сколько неги в тихом звуке
Растворил осенний вечер!..

Тихо падают снежинки,
Губ моих касаясь робко.
Загораются чужие —
Звезды, судьбы, очи, окна...

В чуть размытых этих красках,
Недосказанных, пастельных, —
Очертанья детства, сказки
И иконы над постелью...

Там, в углу, в нелепой позе —
Кукла с ватными ногами,
Фото, где у паровоза
Я — в панаме — рядом с мамой...

Там тарелки чернойолос
Хрипло шепчет про победы,
Там покуда не расколот
Мир вопросов и ответов.

Ах, как много этот вечер
Разбудил воспоминаний!
А березы — словно свечи,
Словно свечи в Божьем храме.

И в тоске моей щемящей,
Как вино, в груди разлитой,
Я предстану на стоящей
В благодарственной молитве.

ПОЖЕЛАНИЕ

Молодым писателям и поэтам я бы пожелал немеркнущей души и чести — тех сил, которые только и питают талант, ибо талант — это не просто дар или свойство, это явление, свыше человеку данное, и в том велика его ответственность перед человеком.

В творчестве следует иметь способность быть выше духовной низости, житейской грязи и тем облагородить жизнь — дать ей энергетический исток для жизни и личной, и общей.

Борис Бочкарев

Александр Бурлаков
г.Шарья

* * *

Опрокинул ночь рассвет в ковыли,
Годы память, будто корни, поят.
Не боли, душа, молю... не боли!
Что тебе, бессмертной, бренность моя?..

В ночь очнулся вдруг и... трудно дышать.
Гром разбился о небесную твердь,
Раскололся... Будто чья-то душа —
Натолкнувшись на телесную смерть.

Мает ливень — летних гроз благодать
Не размоет застарелых скорбей.
Дух нетленный, твое дело — летать
Даже в тесных оболочках людей!..

Твое дело — воспарять высоко,
У подножья греться горных вершин.
Отчего же плоть — подобьем оков?
Ни свободы и ни камня с души.

Сонный морок — только тень бытия.
Вольной воли долгожданный глоток —
Будто зельем до утра опоят,
Будто срок твой в этом мире истек.

... Ночь растаяла. В рассветной пыли
Дождь затих у ног цепным кобелем.
А душа — душа как прежде болит.
Это значит...
Это значит — живем!

* * *

Синь небесная — явь ли, сон ли? —
В быстрых росчерках крыльев птиц.
Ранней ранью, еще спросонья,
Утро скатывается с ресниц...

По колено, по грудь и выше
Погружаюсь в речной настой —
Ровно столько, на сколько вышел
Я из воздуха над рекой.

На разделе воды и неба,
На разломе кривых зеркал
Мое тело, как быль и небыль,
Окунается в облака.

Две стихии — творцы парений,
Будто крыльями одарив,
Поднимают меня с коленей
В невесомый разлив заря.

И чем глубже, тем выше, проще,
Ближе к птицам и солнцу, и
Словно ветром шальным полощет
Аромат водяной струи.

Синь небесная! Сон ли, явь ли?!

Как симметрия рук и крыл,

Ястреб, птицею вещей явленный,

Тенью тело мое накрыл.

А вода пахнет рыбой, летом,

Ненаписанною строкой...

Солнце огненным эполетом

Поднимается над рекой.

РОЖДЕСТВО

Оцепененье. За старелый сглаз.

Как ворожба, невыразимость ночи.

Снег. Рождество. И так велик соблазн

Колядовать, ждать чуда и пророчеств.

Ночь. Время стынет в вековой пыли,

Мир ожидает рождества Младенца.

А Он, распятый, с полотна Даши

Глядит на нас — и... никуда не деться.

Столы накрыты. Гости сочтены.

Гусь фарширован, свершено закланье.

И свет звезды, как взгляд со стороны, —

Две тыщи лет сплошного ожиданья...

Жар топит свечи. Ореол огня —

Как светлый нимб над головой провидца.

Ночь. Рождество. Колокола звонят.

И чистый звук их к небесам стремится.

Алексей Зябликов

* * *

На дорожку сухарей мне приготовь,
Разлюбезная подруга Нелюбовь.
Мне вчера, родная, голос был, прости,
С твоего двора постылого уйти.

Колокольчик мне вызыванивал в лесу,
Что твоей молитвой душу не спасу.
Мне потрескивал полночный костерок,
Что твои причуды тешить вышел срок.

И в каком, не знаю, сказочном краю
Я последний свой сухарик дожую,
У излучины каких прозрачных рек
Брошу в воду твой волшебный оберег?

Пусть мне век короче вдвое будет дан,
Не вернусь на пропыленный твой топчан.
Пусть над бедной головой грохочет гром —
Нет пути назад в унылый твой хором.

Пусть все сложится не слишком по уму —
Но зарубки на деревьях ни к чему.
Помытарствовав, по свету покружив,
Буду счастлив, буду весел, буду жив.

На дорожку сухарей мне приготовь,
Разлюбезная подруга Нелюбовь:
Мне вчера, родная, голос был, прости,
С твоего двора постылого уйти.

Мне верхом скакать, лететь, по морю плыть,
Но твоей улыбки мудрой не забыть,
Как и слов, вослед оброненных тобой:
«Поблажи, да и скорей, милок, — домой!..»

* * *

У меня плохая память на цитаты,
Аnekдоты и счастливые приметы.
Аппетитные горошины из ваты
Покатаю я ножом вокруг котлеты.

Я, похоже, нынче снова не в ударе,
Жизнь моя — все чапыжи да буераки.
У меня вчера украли календарик
С Клавой Шиффер в комбидрессе цвета хаки.

Лишилъ возьмусь за что —
уже остался с носом!
Путь держу из передряг я в переделки.
Дружелюбный насморк радует прононсом,
Под ногой хрустят разбитые тарелки.

Я сегодня у фортуны не в фаворе,
Но не буду жалость клянчить Христа ради:
Есть всегда
надежным снадобьем от хвори
Пара строчек в двухкопеечной тетради.

Однажды в поэтическом семинаре

Дмитрий Тишинков

* * *

Зеленеет на Волге вода.
Не по дням, по часам зеленеет.
Благородно бредут в никуда
старики по притихшим аллеям.

Ни босых пацанов.
Ни собак.
Все вокруг однозначно и кротко.
Лишь не может смириться никак
с межсезоньем моторная лодка.

Не пугаясь нависшей беды
(словно в лодке ей скучно и тесно),
по просторам зеленой воды
расплескалась веселая песня.

Облаков багровеющий дым,
налетев,
абсолютно законно
удалил за пределы воды
несознательность магнитофона.

* * *

Откружила мошкара,
отгудела.
Окна ватою пора
мне заделать.
Утеплить пора подвал,
чтоб картофель
сносно перезимовал.
Чтобы кофе

одному не пить зимой,
впав в немилость.
Чтоб жена всегда домой
торопилась.
Чтобы сердце стих с утра
жал пружиной.
Отгудела мошкара.
Откружила.

* * *

Ни о чем не печалясь конкретно,
по густому весеннему льду,
зацелованный и предрассветный,
я апрельскою ночью иду.

Обожженный заволжскою девой,
рыхлый лед подминаю ногой.
Еле-еле полоской несмелой
приближается берег другой.

Назову ли подобное счастьем,
под собою почувствовав дно?
Соберутся ли хрупкие части
в монолитное что-то одно?

В незаконченном действии этом
не хватает июньской зари.
И мерцают загадочным светом
на другой стороне фонари...

* * *

Поскольку вторую неделю жара —
от службы охранной ни пользы, ни толку.
И тело командует мозгу: «Пора
тебе окунуть меня в матушку Волгу».

Собаку на улицу. Дверь на замок.
На автопилоте бредем к водоему.
Бредем осторожно, чтоб видеть не мог
никто, что оставили службу вдвоем мы.

Но, впрочем, плевать на инструкции мне.
Платили бы вовремя — глаз не сомкнул бы.
А вам доводилось шагать при луне
на речку с собакой, уродуя клумбы?

Фаина Соломатова
г.Шарья

ЖАВОРОНОК

Из повести «Жили и жить будем»

— Судьба у тебя, Фрол, покореженная. Не позавидуешь. То, что с тобой случилось, повлияло и на мою жизнь. Не понимаешь? Поясню. Мать стала отправлять в город. Пришел из армии — с утра до вечера одна и та же песня. Думаешь, хотелось ей гнать меня? Рвала по-живому. Соглашалась на одиночество. Взваливала все на свои плечи. Но хотела мне доли лучшей.

Из колхоза в те времена уже отпускали и паспорта выдавали. Можешь дуть на все четыре стороны. И из деревни начали разлетаться. А у меня желания не было. Хотел быть дома, в деревне. Если мать считала, что я здесь никогда не буду счастливым, то я уже давно твердо знал, что только тут смогу обрести его, это самое счастье. Еще пацаном убедился в этом. В школу уходили на неделю. Дом в десяти километрах, не ускочишь, так я еле дожидался субботы. Там, в другой деревне, для меня все краски тускнели. И солнце грело не так, и воздух был не такой. Разлука научила меня ценить дом, мать, деревню. И ни за что ей не уломать бы меня, но подруга моя, Татьяна, в город подалась. Перед отъездом условие поставила: не приедешь — не пойду замуж. Вскоре укатил следом за ней. Думал, ненадолго, все равно вернусь. А не тут-то было. И жизнь пошла по колесу. Жду не дождусь лета, чтоб сюда. Здесь заряжусь, как аккумулятор, получу подпитку... Потерплю. И вновь мечтаю — быстрей бы лето. В отпуск и в деревню. Так жил и живу. Почему же я живу не так как хочется, как душа просит? Я ее, душу-то, будто в кадке под гнетом держу. Как начнет ходить-бродить, норовит спихнуть, свалить груз, наружу рвется. Ты ей: «иши, голубушка, утихни, не буйни!» Потому что жизнь в тот момент тебе сюрпризик преподнесет. Сперва квартиру получили. О деревне надолго думать перестали. Обжились на новом месте, и опять тоска подкралась. Сделал вывод: коли о земле тоскую, надо дачу заводить. Трудись — не блажи. И дача на время действительно успокоила. Но ненадолго. Пока строил и землю обижаживал — работы было невпроворот, и тоска не одолевала. А теперь, как приеду в этот «Шанхай», тоска еще больше гложет. Кругом шум, гам. А я привык с детства, чтоб с природой один на один.

Как собака на цепи, рвусь, мечусь, а удавка крепко держит. Но я же сам виноват. Обстоятельства не как у тебя. Кто запрещает скинуть ярмо и жить на родине? Татьяна не поехала бы?! Да прискакала бы через месяц. Сама тоскует не меньше. Но не сознается. Гордость не позволяет. Когда на нее тоска накатит,

бубнит: как хорошо, что уехали, да чтобы там делали? А я уставлюсь ей в глаза и гляжу в упор: «Не хитри, ягодка пересаженная. Боковыми кореньями питаешься, а основной гниет печалью». Вот так и живем, играем. Стремимся обмануть себя и друг дружку. Вроде как себе наперекор получается. И шагает жизнь как бы впереди тебя, а ты за ней гонишься, торопишься и догнать не можешь, чтоб в ногу-то с ней угадать. А что не в ладу и не в ногу — убедился окончательно.

Когда квартиру заимел, то дневал и ночевал на балконе. Бывало, смотришь на засыпающий город, а самому деревня чудится. И вот как-то весной поднялся на зорьке и туда — додремать. Туман густущий, будто нырнул в воду и глаза открыл. Усился и так ясно представил деревню: кажется, протяни руку — и тут она. В груди зашатало, и даже черемухой напахнуло. И, видно, долго я так млел, коли задремал, как кот на солнышке. Разбудили меня трели жаворонка. Очухался. Сперва думал, приснилось или приблазнило. Не то и не другое. Вон он! Ввинтился в небо, крыльышками намахивает и знай себе поет. Громко и заливисто. Птаха милая!

Запомнил, что тут было поле, что тут ты родился. И домов тут наворотили, и поле, и луг у тебя отобрали. Но никто не сможет запретить тебе петь и порхать, где угодно и когда угодно. Ты отведешь душу песней и улетишь. Когда захочешь, вновь вернешься. Спасибо тебе, птица, за верность! Я, Фрол, решил. Возвращаюсь домой. Не хочу, чтобы материного гнезда остыпало. А ты куда?

— Я? Разреши мне перезимовать у тебя. А весной — на мельницу. Там каждый кустик ночевать пустит. Тут я жил, горе пережил и доживать здесь стану.

Галич. Встреча в педучилище

Светлана Виноградова
г.Галич

* * *

Как быстро липы пожелтели.
Одна лишь ночь — и новый цвет...
Как быстро птицы улетели
В покрытый инеем рассвет.

Как быстро в парке карусель
Остановилась, вдруг умолкнув...
Как быстро кинулась метель
В мою кокетливую челку...

* * *

Этой осени не было ярче и краше,
А сейчас занялись затяжные дожди.
Опустели знакомые звонкие пляжи.
Не спеши уходить. Задержись. Подожди.

Нам немного отпущено осени светлой —
В этом городе скоро снега полетят.
Только память упрямой цветной кинолентой
Будет прочно беречь каждый жест твой и взгляд.

Я прикрою глаза, и увидится ярко
Эта осень, в которой мы были с тобой.
Оголенные ветки забытого парка.
И асфальт — от дождя голубой-голубой.

И глаза твои, цвета осеннего неба,
И молчанье твое, объяснений нужней.
И тогда сквозь сумятицу ветра и снега
Промелькнет улетающий клин журавлей.

ПРОЩАЙ...

Ах, как тогда крутила непогода!
Как птицы оглушающе кричали!
Осенняя застывшая природа
И та была исполнена печали.
К тебе я шла дорогою знакомой,
Но ты у двери не встречала, бабка...
Лишь ярко зеленела возле дома
Еловых веток свежая охапка.
Две свечки оплывали в изголовье...
В твоем лице — ни боли и ни муки.
Впервые были сложены спокойно
Знакомые натруженные руки.
Старухи иступленно голосили.
У печки молча мужики топтались.
Тебя от нас куда-то уносили...
Изба и я сиротами остались.

ПРЕДЗИМЬЕ

Вновь дрова потрескивают в печке.
Время словно замедляет бег...
Примостившись на резном крылечке,
Кошка лапой ловит первый снег.

* * *

Затопили печку. Пахнет дымом.
Слышится потрескиванье дров.
Я перед тобой — таким любимым —
Виновата, мой родимый кров.

Воздух тонко-тонко пахнет мятой.
От росы седые зеленя.
Я перед деревней виновата,
Что она осталась без меня.

«ПРИШВИНКИ»

Однажды поймал себя на мысли, что пишу, вдохновляясь Пришвирным. Немудрено. Читаю его пристально и со смаком. В литературном отношении я чувствую себя троюродным внучатым племянником писателя. Родственником, одним словом. Генеалогия получается самопровозглашенной. Иной крикнет (и правильно крикнет): «Ты кто такой?! Самозванец! Не замай! Мое! Не отдашь Пришвина!» Не надо отдавать. Пусть у каждого будет свой Пришвин. Главное-то в другом. Не внешний узор литературного почерка, не стиль, будто рожденный для перимчивости, эпигонства.

Пришвин жил с радостью в душе. Неугасимой. Жизнь мнет, корежит. Истерзывает. А душа — в веселье. В этом весь Пришвин. Как его понимаю.

Вдохновляемый высокими полетами его души, я назвал сценки и мнения, зафиксированные мною на бумаге, «пришвинками». Этим отдаю дань уважения мыслителю, заставившему думать, и художнику, убедившему, что любой миг повседневности достоин любования и запечатления.

*

На улице дождь. Мягкий, шелестящий. Вовсе не осенний. Хотя даже осени в ноябре пора уже заканчиваться. От земли исходит пар. В воздухе разлито нежное благоухание. Отнюдь не цветочное. Это не благоухание роз или тюльпанов. Вокруг сгустился запах незнаемого. Ниточки шустрой дождика ткнут замысловатую надпись. Она расскажет, если умеешь читать, о существовании другого. Вообще всего другого. Куда нам придется уходить... Откуда мы однажды пришли... Радость узнавания! Вот что такое тихий шум предпоследнего дождика года.

*

Столько заблуждений, ошибок, мнимых шагов совершаешь, путешествуя по жизни. И что же? Жизнь все идет и идет! Получается, что ошибки и заблуждения как бы не совсем ошибки и заблуждения. Ведь через них проявляется сущее. А вообщее прав Демокрит: есть только атомы и пустота, остальное —

мнения. Мнения всегда оказываются мнимыми. Мнимость есть сердцевина мнения. Его, мнение, можно задуть, как свечу. Останется совокупность атомов и разделяющая их пустота. Запах той пустоты, покалывание тех атомов...

Смерть? Что-то иное?..

*

Поздняя осень. Конец октября. У дома, где живу, бродят угрюмые грачи. Пора бы улетать. Что-то их держит. Что? Никогда не узнать... Робко клюют свою грачиную пищу, выуживая ее из омертвленых листьев липы. Забыл сказать: вокруг растут липы. Мороза еще не было. Влажные стволы деревьев покрыты желтоватым, радующим глаза мхом. Кое-где выглядывает припозднившаяся, подобно грачам, травка.

Серое незлое небо. Рыжий мох. Пожухлые листья и тянувшаяся к последнему теплу трава. Милые гости — грачи.

Прелестная картинка.

Леонид Попов, Виктор Лапшин

Юрий Балакин
г.Галич

ДОРОГА

Скоро часы наши с вами оттикают.
Слышно — уж звякнул засов.
Смотрит сторонка моя многоликая
Взглядом несбыившихся снов.

Встречи с ушедшим уже не порадуют.
Нет ни друзей, ни подруг...
Веет полянка промозглой прохладою,
Выцвел ромашковый луг.

Нам не прельститься дорожкою ложною,
В темень забав не уйти.
Иль, как глухою порою безбожною,
Радостей ждать впереди?..

Дремлют, как встарь, наши улички тихие,
Благость пришедшими даря...
Жили здесь люди совсем не великие.
Жили, как видно, не зря.

... Снова страдает и горюшко мыкает
Наш безответный народ.
Где-то гармошка чуть слышно пиликает,
Будто куда-то зовет.

СКАЗ

Помню время — жил налегке:
Без машин, неврозов и тещи.
В ледяной купался реке,
Был покладистей я и проще.

Не изведав ни лжи, ни интриг,
Ни измены злой, бессердечной,
Я мечтал, начитавшись книг,
О любви красивой и вечной.

... Жизнь обманчива, как мираж;
С каждым днем все темней и горше.
... Убегу я с милой в шалаш,
Чтоб любить и денно и нощно.

Где над каждым пнем светлячок,
Где ночами звонкими снится:
Ей — Иванушка-дурачок,
Мне — Прекрасная Василиса.

* * *

Тихий месяц застыл над крестами забытых могил.
Только шепот ручья да в глуши щебетание птичье.
Здесь когда-то я с матерью робким мальчионкой бродил.
А теперь только ветер седой и неистовый свищет.

Снова злой и холодный над миром навис небосвод.
Снова на сердце боль — нещадящая боль увяданья.
Нетерпимый, безликий столпился у власти народ.
... Все бесследно исчезнет в пучине глухой мирозданья.

Но настанет пора — и растает безверия лед
В этом мире, таком совершенном и ... зыбком.
Сероглазый мальчионка моими слезами всплакнет.
И счастливая мать улыбнется твою улыбкой.

Сергей Потехин, Евстолия Прокофьева

Евстилия Прокофьева
г.Галич

РЯБИНКИ

Красивы костромские леса... Особенно хорош бывает лес, когда после длительной жаркой погоды пройдет теплый грибной дождь. Все в лесу тогда поет: деревья, травы, цветы. Ветерок играет тенями ветвей на белых стволах берез, солнце ласковое, небо голубое, а легкие облака, как снежные вершины гор, возвышаются над зеленою кромкой леса.

Волнующее оживление леса передалось и мне, и я улыбалась кустам, деревьям, цветам, ветру и небу. Потом села под развесистой березой на дертушке, поросшей кустистыми рябинками. Отсюда и название дерти — Рябинки.

Сижу, ягоды в кузовке перебираю и надивиться не могу: сколько полезного растет на одних только Рябинках! О черемухе и шиповнике и говорить нечего. Ягод такой урожай, хоть лопатой греби. В густой листве рябин пламенем горят ярко-красные кисти. Тонкие ветки от их тяжести гнутся к земле. Возле серых, подернутых мхом низких пней приютились малинники. А под ними земляника растет. Среди покачивающихся от ветерка цветов много лечебных трав — кипрей, зверобой, калган, тысячелистник. В небольшой низине мокнет валерьяновый корень. Гляди да радуйся...

И тут на Рябинки вышло из березняка большое стадо лосей. Впереди шли лосята, которых я приняла сначала за жеребят. На высоких стройных ногах, темной масти, они и впрямь были на них похожи. Лоси мирно паслись, осторожно, словно боясь повредить молодые побеги и почки, оципывали листья рябин. Одного лосенка, наверное, укусили комары или слепни. Он вдруг шлепнул себя по животу блестящим раздвоенным копытцем. А потом, игриво изогнувшись, точно подбоченившись, взбрькнулся и ударили ногой по боку ближнего лосенка.

Остальные лосята только этого, видно, и ждали: резко вскидывая головы, запрыгали, забрыкались. Из кустов выскочил разбуженный заяц и бросился бежать куда глаза глядят.

Не чуя за собой погони, косой остановился. Присел на холмике на задние лапки, а передние прижал к груди. Вытянувшись и навострив уши, он с любопытством огляделся. Решив, что опасность ему не грозит, наклонился, встряхнул передними лапками, полизал их и стал тщательно умываться.

Игра лосят встревожила взрослых лосей, и они поспешили к своим шалунам. Одна лосиха потрепала губами лесенка по шее. Из-за кустов, гордо вскинув голову с огромными ветвистыми рогами, вышел седой лось. Прокатился по лесу гортанный протяжный его клич, и лосихи с лосятами одна за другой растворились в березняке. И снова стало тихо на деревушке.

ПРО ЧУДАКА, МЕДВЕДЯ И БУТЫЛКИ (Сказка)

В детстве я очень любила слушать забавные истории, которые рассказывал мой дедушка. Хорошо рассказывал старик! Помню его умные голубые глаза. В них то искрился смех, то проходила тень печали, и тогда глаза казались теплыми. Часто сидела я у деда на коленях и нередко тут же засыпала. Он тихонько покачивал меня и напевал, не помню какую, но очень хорошую песню. Раз я по обыкновению забралась на дедушкины колени, потерлась головой о его колючий подбородок и попросила рассказать сказку.

— Уж и не знаю, право, что бы тебе такое рассказать, — начал дедушка. — Вот разве про то, как медведь бутылки бил.

Жил, понимаешь, чудак один. Все время хвастался, что медведя убьет. Построил он на большой березе у овсяного поля лабаз, да не какой-нибудь, а целый шалаш. Сделал в нем постель из мягкого сена, а чтобы залезать туда, лестницу с собой таскал.

Как вечер, так наберет этот чудак в рюкзак водки, хлеба, консервов, заберется в шалаш, закусит основательно и в обнимку с ружьем спать уляжется. А медведь тем временем придет в овсы, наестся до отвала и спокойно восвояси уберется. Как-то собрались мужики и спрашивают чудака: когда же, мол, медведя-то убьешь?

— Подожду, — говорит. — Намедни видел его. Стоит возле березы, башку кверху задрал и на меня глядит. Я на него — он на меня. Встал на задние лапы, а в передних по бутылке держит. То одну себе в рот опрокинет, то другую. В тот вечер я, как лестницу к дереву приставлял, рюкзак на землю поставил да и забыл про него. Вот он и унюхал, вражина. Все как есть до капельки высосал, горлышко даже облизал, причмокнул языком и так это тяжко вздохнул: дескать, сладко, да больно мало.

— Хо-хо-хо! — загоготали мужики. — Сладко, значит, да мало. Ха-ха-ха! Так что же ты, мил друг, не пальнул в него?

— Да что, думаю, его одного бить. Привыкнет он ко мне, медведицу приведет, вот тогда я обоих и срежу.

— Почему же ты знаешь, что это медведь приходил, а не медведица?

— А по глазам. Если это медведь, то и взгляд у него суровый, а коли медведица — взгляд нежный, ласковый.

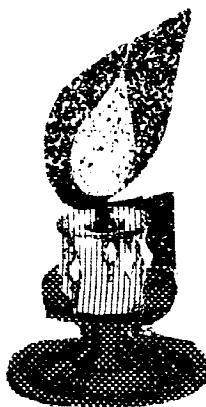
— Ох и приласкает же она тебя когда-нибудь! — смеются мужики.

На следующую ночь, под утро, прибежал чудак домой, белый весь, одежонка на нем располовсана. Дома никому ни слова не сказал, на печь залез. А как рассвело, сел за стол завтракать и видит — виски у него сединой тронуло. Знать, натерпелся страху.

Уснул он, стало быть, как всегда, в шалаше. Проснулся от страшного шума. Глянул вниз, а там — медведь. И опять бутылки в лапах держит. Сунет горлышко в пасть, опрокинет, а в бутылке-то пусто. Рявкнет, да со всего размаху — трах посудину об дерево. Только осколки брызгают. Все бутылки перебил и на дерево полез. Видать, думал, охотник ему поднесет. А тот от страха кубарем с березы — да домой. С ним ведь, с медведем, и с трезвым шутки плохи...

Олег Хомяков, Олег Каликин

Алевтина Алферова
г.Нерехта

МАРЬЯНКА

Давно это было.
Уж призабыла,
На котором году,
В каком городу
Жил-был князь Роман со княгинушкой,
Ласковой своей Евпраксиньюшкой.

Славно князюшки жили:
Ладу-детку растили —
На крыло подымали,
Горя не знали.

Да враз мирный день скончился...
Как уехал князь
По княжеским своим делам,
Черной тучей пал на княжество
Басурман!
Ухватил князеву дочь
И унес в полон
За каменну гряду,
За бурную реку,
За море-окиян
В Басурманский Чужестран.

Кинулась дружина Басурмана догонять,
Да лодьи пока на воду спустила,
Мечи заточила —
След злодеев простила...
Ищи ветра в поле!

Возвернулся князь к пустому гнезду,
Загоревал...
И клятву дал —
С-под земли Басурмана достать,
Казни лютой предать,
Из полона кровинушку вызволить!

Взял коня, что узду рвал,
Ястребом летал,
И поскакал
За каменну гряду,
За бурную реку,
За море-окиян
В окаянный Чужестран.

* * *

А Чужестран — богатейка земля!
Фрукт в ней зреет,
Овощ спеет,
И роз своих в царстве хватало,
А Басурману все мало —
Ему заморских подавай!
Самолично по миру летал,
Малолеток крал.
У него их, что зерен на току,
Да, бывало,
И покрывала у девоныки с лица не снять,
Не то чтобы в жены взять!

Раз такая объявилась:
И руки ей ломали,
И плетьью стегали,
А она все одно лица не отворила,
Чести девичьей не обронила.
Не сумел Басурман ее одолеть
И запер в клеть:
Не поумнеешь,
С голодухи, мол, околеешь!

Тоненький такой стебелечек,
Пригожий цветочек,
Соловыиное горлышко.
Марьянкой звали.
Все песни горькие пела,
Кручинилась,
По дому, видать, скучала...

Да Басурману песней докучала.
Повелел ослушницу извести:
В лес дремучий свести —
Чтоб нипочем Марьянке
Оттуда не сбежать!
Да как знать?!
Лес-то, чай, не злодей!
Дай ему, Бог, здоровья!
Обласкал, приютил —
Веточкой прикрыл —
Спи, горемычная!

* * *

А князь Роман
Полпути уж отскакал,
Да конь вдруг встал:
Храпит, копытом бьет,

В море-окиян нейдет —
Солено оно, непривычно!
Долго искали броду...
Наконец взошли в воду...

А море светлое,
Сквозь видать,
Как рыба играет,
Малька гоняет —
Кто проворней,
Тот и сыт!

А ежли заштормит —
Вода угомону не знает:
Волну вздымает, дичает,
Под себя подминает...
Уж скольких погубил окиян!..

Да не больно чего князь Роман
Разглядеть-то успел!
Водокрут вдруг налетел, завертел!
Натешился...
Коня к берегу прибил,
Князя в море опустил
На самое донышко...
Вот и пришла его смертынька!

А детынька?
Кто ее спасет из полона?
Кто повоюет дракона
Да вражью рать?
Рано, князь, помирать!
Развернись плечом,
Ударь мечом!

И ударил Романов меч!
Как почал Водокрута сечь...
На брызги-кудеряшки —
Белые барабашки
Распался, разбежался Водокрут,
А нравом крут —
Чудище морское на князя напустил.

И Чудище князь победил —
Зверя об осьми ногах,
Морда башмаком, от шеи щупалы!
По-морскому верезжит,
Откуп сулит!
Отпусти, мол, камень дам,
Что в деле помогает,
От зла оберегает...

Кто ж от оберега откажется?
Пошли они камень тот братъ...
Щупала осьминог перебирает,
Только версты отмеряет.
Князь по морю идет,
Словно по небу плывет, —
Всяко тело в море легкое,
Всплыччатое.

Долго меряли они окиян,
В беспокойство впал князь Роман,
Заподозрил обман:
Ты куда, мол, осьминогий, ведешь?
Козни сызнова плетешь?

Испугался зверь,
Стал к берегу чалиться.
А скалы острые уцепиться не дают,
Тело нежное рвут.
Вынул из укромки камень-бирюзу
И... пустил слезу...
Жалко бирюзинку отдавать!

Да не стал князь дожидать —
Силой камень взял,
Со скалы зверя снял,
В море пустил,
Сам на берег ступил.

А и верно, знатный камешок!
И дорогу-путь освещает,
И скалу лучом пробивает —
В ратном деле сгодится!

Самое бы время поводья натянуть
Да в путь!
Где князев конь-огонь?
А в ладонь кто-то — торк! —
Мокрой губой с мольбой:
Я, мол, трижды море обежал, звал...
Тебя боялся потерять!

* * *

И опять...
Вдоль моря, между скал
Конь скакал...
Князь уздой управляет,

Бирюза лучом дорогу спрямляет:
Не помеха — ни бугор, ни яма:
Все прямо... прямо...

Вдруг... скривился,
Свернул луч в лес...
Дерева до небес!
Цепкий зверь меж дерев летает,
Мухи, ровно псы, кусают.
Птица не по-нашему кричит...
Узкой тропой,
Коей ходит зверь на водопой,
Повел их камешок...
Да споткнулся ненароком князь о бугорок.

И... застлала князю глаза слеза...
Девонька под кустом лежит!
Лес молчит —
Дите оберегает!
Птица не летает,
Эхо не кричит,
Ручей не журчит...
Девонька спит!..
Поборол князь Роман окиян,
Чудище морское усмирил —
Слезы не уронил!..
А Марьянку слушать — нету сил!..

* * *

Жила она с дедом-бабкой
Не больно сладко.
Деревенька глухая,
Изба худая,
Хлеб да квас —
Весь припас!
Старикам помогала,
Сколько сил хватало.

Да повадился к ним Ерофей —
Заморский змей.
Что ни день ко двору прилетает,
Курей пугает.

Дед на него с кулаком,
Бабка с батогом,
А змей лбом в дверь бухтит,
Двор слезою кропит:
В жены, мол, Марьянку хочу-у!
Озолочу-у!

А невесте той пятнадцати лет нет.
И не лежит у ней душа к Ерофею —
Не верит девонька змею,
Нет-нет да примечает:
Бабку Ерофей величает,
А в глаза ей не глянул ни разу!
Притворица видать сразу!
Зато снедь несет,
Что сроду старики не едали...

Против воли Марьянку обвенчали.
Ерофей старииков ублажил!
И Бог разума лишил!..
Умоляла девонька — не доводить до беды!
Не послушали ее деды:
Глянь, мол, не скупой,
Не гулевой —
Вон как к дому припадает,
Лучше мужика не бывает!
А с рожи — не воду пить,
Крепче будет любить.
А ты, мол, не чинись —
И не любишь, да притворись!

А Марьянка не притворилась,
Змею не покорилась,
Не стала притворщику женой...
У старииков-то Ерофей тряс мошной,
Сладко пел,
Глазом девоньку ел,
А как женился,
Ноги велел его мыть
Да воду пить...
В страшном сне не привидится,
Что вытворял...

И никто Марьянку не крал,
Ерофей ее сам сдал в полон...
Басурман-то себе жен-малолеток
На базаре подкупал.
Ерофей ему Марьянку и продал,
А чтоб золота побольше взять,
Конопушки приказал с лица снять,
На нитку нанизать,
Рдянную монистку на шею повязать...

Покупал Басурман невест себе впрок,
А выйдет срок —
Девонька поспеет,

Лиходей ее одолеет,
Сделает женою Басурман...

Сединою взялся князь Роман:
Пусть попробует лапы к дочушке
протянуть —
Не успеет матушку помянуть!
Подхватил Марьянку князь в седло
И помчал во весь опор!
Берегись, вор!..

И девонька припомнила дорогу,
И камень-бирюза в подмогу,
И конь копыт не жалел, рвал узду.
Скоро прискакали к Басурманову гнезду.

Опоясал ров
Басурманов кров.
За рвом — забор,
За забором — дозор частоколом торчит,
Бдит!

Только ров перескочить князь схотел,
Меч булатный за спиной прозвенел:
То дружина в теремах не усидела,
На подмогу подоспела.
И встала с князем плечо к плечу,
Меч к мечу.

Да сердце Романа замертвело,
Ярость рукой завладела —
Хочет один воевать
Басурманову рать!

А Марьянка:
Негоже, мол, князь, сгоряча
Рубить с плеча.
Ставь заслон —
Буду я выводить полон!
Можешь, мол, довериться —
Силой с Басурманом мне не меряться,
А знаю, как сберечь полон.
Бирюзинку дай и ставь заслон!

* * *

Знала Марьянка про тайный лаз,
Что полонянку от неволи спас.
Заточил Басурман в подземелье-темницу
Упрямую одну девицу —

Чтоб другим в поученье
Со страху околела,
А девонька все страхи одолела
И вышла лазом к окияну-морю...
На волю...

Долго ее стражи искала,
Да не нашла —
Лазом-бурыном девонька ушла.
Еще злее стала боевая рать
Полон усмирять.

* * *

Чуть завечерело,
Землю темнотой одело,
Подкралась Марьянка к лазу.
Приметливому глазу
И то его не сразу видать...
А каково ей было в подземелье влезать —
Не передать!

Такого страху малая натерпелась —
Вся обревелась!..
Но добралась до темницы,
А там... весь полон... непокорные
девицы...

Тихо отворяла Марьянка клети,
Тихо уходили дети
На волю...

* * *

А на воле... по чистому полю
Мечется князь Роман...
Рвется в бой дружины:
Пора, мол, воевать вражину.
Чего ждем?
Срам! Дите сражается,
А мужик прохлада...

Тут и показались из лаза дети...
Не сломили их плети,
Только личики посерели,
Глаза посурковали в неволе
От горькой доли...

Прижал князь
К груди кровинушку!
То-то будет радость княгинюшке!

Подставили и кони спины —
Подняла детей в седло дружины...
И про все забыл на радостях князь
Роман —

Про вражий стан...
Что клялся Басурмана
С-под земли достать,
Лютой казни предать.
По домам бы деток развезти...
Счастливого, князюшка, пути!

И ускакала дружина:
С ворогом не билась...
Марьянки не хватилась...

* * *

Мужику тяжело сохой пахать,
Птице в поднебесье на крыле летать,
А девице одной каково воевать?

Обступили стражнички тонкий стебелек,
Пригожий цветок хотят сорвать,
Лепесточки смять...
Щерится кривой Басурманов рот, —
И некому дать окорт!..

Да ударила вдруг лучом бирюза...
И не поверили Марьянкины глаза —
Только что наседала подлая рать,
И не стало вдруг рати видать...
Съежилась, скукожилась...
Ни плетей, ни дубинки...

Пучеглазые сопливые спинки
Заполонили весь Чужестран!
А самая жирная небось Басурман!
Ква-ква! И в болото!..
Чай, жить охота!
А что смешно —
Уж не страшно!

* * *

И пошла Марьянушка домой
Неторной тропой.
На коне бы пошибчей —
Не повезло ей!

Для князя Романа, что было, —
Водою, знать, смыло.
Спасибо камешку —
Верному дружку:
Не бросил Марьянку, уберег!
А князю — Бог судья!

* * *

А зря... зря я князя осудила.
Не зачерствела душа, не застыла.
Опомнился князь в лесу,
Повернул коня вспять,
Кинулся Марьянку искать.
И не думалось ему, не мнилось,
Что дите с вражьей силой схватилось.

Уж казнил себя князь потом —
Осыпал Марьянку добром,
Шелками дорогу к ней стелил,
Двор яхонтом мостили,
А девица не подошла к крыльцу:
Мне и конопушки, мол, к лицу!

Лишь когда над избою туча прогремела
И дружина с князем тучу одолела,
В клочья ворога рвала,
Волоску упасть с головки не дала, —
Обиды Марьянка позабыла,
Всем сердечком князюшку простила.

* * *

Ездили недавно соседи в Чужестран,
Глядели на бурьян.
Ров, мол, засыпало землей,
Заплело травой.
Жабы орут в болоте...
Вот вам и Чужестран —
Один обман!

Лиходейству завсегда приходит конец!
Найдется на злодея молодец!
А нет, и ... девица
сгодится!

В семинаре прозы

Ольга Гуссаковская

ПУСТЬ БУДЕТ ЗОРЧЕ ИДУЩИЙ СЛЕДОМ

Что сказать входящим сегодня в литературу? Призадумавшись... Но, с другой стороны, задача интересная.

Одно могу утверждать как данность: рабство нынче если кому и грозит, то только по собственному желанию. К сожалению — случается.

В остальном, разве объяснить нынче молодому литератору, чем я сама занималась семь лет, работая в Магаданском книжном издательстве? Пожмет плечами: «А зачем вы меняли mestами зеков и комсомольцев-добровольцев?» Затем, что иначе было нельзя.

С другой стороны, тот самый «реализм без берегов», о котором еще в 60-е годы оповестил мир Роже Гароди, тоже не безопасен: где нет берега, нет и опоры, а она бывает и не лишней для неоперившихся «летунов»...

Стержня, единой, как было годами, идеи соцреализма уже нет, и потому началось деление на кланы. Особенно это заметно в провинции где всегда существовал избыток честолюбивых недооцененных (по их мнению) дарований.

Теперь, скинув былые общие оковы, каждая такая личность начинает сколачивать вокруг себя группу соратников.

Слова разные, а смысл призывов один:

— Только мы (на самом деле «Я»!) обеспечим вам свободу творчества и успех!

И куда в этой ситуации податься новичку, кому поверить? Тут-то и кроется главная сегодняшняя опасность. Раньше зачищали, а теперь могут захвалить, в обоих случаях о судьбе юного дарования не заботясь.

Нужно изначально быть предельно требовательным к себе, чтобы не угодить в расставленные льстивые сети. Но ведь и похвала нужна именно в начале пути! Поэтому и говорю, что положение молодого литератора сегодня куда как непростое.

Как-то заглянула в «Молодежную линию» и увидела, что руководитель отделения Союза Российской писателей (одного из трехлитобъединений в Костроме!) подводит итоги конкурса молодых фантастов.

Это направление литературы интересует меня давно, у меня большая библиотека фантастики, знавала я и многих знаменных писателей...

Лучшим объявлен Владимир Зайцев из поселка Просек Антроповского района, его рассказ «Когда мы счастливы» опубликован в газете.

Что же? В даре фабулиста ему не откажешь, хотя апокалиптическая тема — дорога торная. Но, похоже, никто и не пытался сказать молодому автору, что важно не только «что», но и «как»: язык произведения. Собрать такое количество языковых штампов в одном рассказе можно, если вообще не имеешь понятия, что это такое.

А Владимир — лучший.

Как выглядят остальные? Не преждевременны ли похвалы?

Не раз и не два за последнее время «Северная правда» публиковала подборки стихов, главным образом, поэтов из сельской глубинки.

Всегда их сопровождали многообещающие пожелания то Татьяны Иномецевой, то Василия Травкина.

А причина-то у всех одна и та же: отстаивание позиций (и права на жизнеобеспечение!) «своего» творческого объединения.

При всем том надо отметить, что материалы, представленные на страницах той же «Северной правды» областной писательской организацией, остаются лучшими.

Тем не менее в Костроме появилось четвертое по счету литературное объединение с обязывающим названием «Гамаюн». Руководить им желает человек, которого я не знаю, поэтому о будущем «Гамаюна» сказать не могу ничего.

Говорят же все это о том, что творческая молодежь Костромы нуждается сегодня гораздо более, чем в поддержке материальной, в поддержке духовной. Объединений много, Учителя — нет! А я-то по опыту знаю, что важнее всего в на-

чале пути напутствие человека умного, образованного, бесконечно любящего русскую литературу... Такие люди — редкость, они истинные Посланники Божьи.

А что имеем? Неформальные объединения, главным образом, поэтов, вокруг Галины Божко и... самиздата. Под хвалебным названием «Фонтан». Совсем бы то, что нужно, однако...

Литературная безвкусица и глухота, увы, так же вечны, как и таланты. Знаю, что Галина Божко тратит на издание газеты «Фонтан» собственные деньги, бедствует из любви к литературе. Но результат?

... А те, кто действительно могли бы помочь, либо делят эфемерное влияние, либо просто добывают кусок хлеба.

Литературный процесс в Костроме идет, но развивается стихийно.

... Лежит передо мною последний выпуск литературного сборника «Кострома». Прочитан давно, весьма внимательно, немало продумано. Кое о чём стоит сказать сейчас.

...Не знаю, кем и когда было придумано определение «местный» писатель. Это — порождение все того же Горьковского Союза писателей и соцреализма. И очень живучее порождение, поскольку тихие, нищие, далеко не всегда бездарные, но вынужденно безгласные «местные» писатели были очень удобны властям. Жили и в Костроме люди немалого дарования, которым штамп «местный» связывал руки и крылья, а находились и такие, кому в этой нише жилось очень даже уютно.

В сборнике «Кострома» идет зрячая борьба двух стихий: небесной, вольной и непредсказуемой, и земной, обжитой и не удивляющей ничем. Флаг первой — «Победил войну» Владимира Старателева, «Труба» и «Сказки» Бориса Бочкирева, «Палисад» Михаила Зайцева, «Эссе» Павла Корнилова.

Может Кострома дышать свободно! Но дается ей это трудно, поскольку велик груз привычного «местного» существования в литературе. И в который раз встает вопрос: кого и сколько публиковать? Стоит ли давать слово сотне, если запоминается голос единиц? К тому же иначе-то и не бывает...

Интересная ситуация: Михаил Базанков опубликовал очерковый триптих «Вот поэтому я печален...».

Два первых очерка: о старшем брате, не пришедшем с войны, и об отце — как раз из той вольной словесной стаи. Их читаешь с замиранием сердца.

Просится третий — о матери. Но его нет, не получилось (хорошо бы — пока). Нужно было и остановиться на том, что есть, а зачем-то добавлен очерк «Будут с гордостью вспоминать...» о Юрии Баранове, профессиональный, но холодный. Снижает впечатление от первых двух.

... Я ничего не говорю о стихах — пусть этим займутся поэты. И о разделе литературоведения — тоже. Мне он кажется несколько претенциозным и искусственным, но я на этих словах не настаиваю.

Очень хорошо, что сборники «Кострома» выходят, появляются и книги. Но плохо, что книга одаренного прозаика Алексея Акишина пролежала столько, что и половину названия успела потерять, а все еще к читателю не пришла. Опоздала книга Владимира Старателева. Не похоже, чтобы увидела когда-то свет проза рано ушедшего Михаила Зайцева.

Поэтам дышится легче.

...Но что же все-таки сказать молодым? Внутрисоюзные дрязги однажды утихнут, а талант (как и водится!) останется наедине с самим лишь собой и своими возможностями.

Публикация в газете, сборнике — хорошо, но биться надо за широкое признание, поскольку время «местной» литературы на исходе.

Оружие здесь — духовное самосовершенствование и повышение культурного уровня. Писатель, как никто, должен знать свой родной русский язык, но сегодня и английский не прихоть, а необходимость. Хотя бы и для того, чтобы грамотно бороться с англоязычным засилием в среде молодежи. Полезно основательное знание истории государства и происхождения религий, понимание Библии.

Писатель интересен тогда, когда он много знает, поскольку и его воображение в этом случае обретает совсем иную мощь.

... Таланты в Костроме были и есть. Земля наша отнюдь не оскудела даже в нынешнее лихолетье. В это я верю и многое жду от тех, кто идет следом за мною.

Творческий семинар в Галиче

ШУТКИ НЕ В СТОРОНУ!..

«Юмор — великая вещь, в нем наше спасение. Одной его искры достаточно, чтобы суровость смягчилась, раздражение и злость улетучились и на душе стало радостно, спокойно». Вот какую роль в обществе, по понятиям Марка Твена (и моим — тоже), играет юмор.

Костромичам повезло в том смысле, что в среде местных литераторов успешно «работает» солидная группа юмористов и сатириков. Причем в разных жанрах. Есть у нас новеллисты и пародисты, баснописцы и эссеисты, сценаристы и «эпиграммисты», даже романисты!

До того как обосноваться в Костроме, мне довелось пожить на Урале и Дальнем Востоке. Среди писателей этих обширных регионов не было «чистых» смехотворцев, чье творчество целиком отдано «на откуп» сатире и юмору. А в Костромской области таковых (и живых, и ушедших в мир иной) перевалит за десяток! Вот в алфавитном порядке фамилии самых активных: Е.Бойцов, Л.Генин, А.Горбунов, В.Пашин, В.Рахматов, П.Румянцев, Ю.Семенов, В.Смирнов, В.Фатеев.

К сожалению, на областных творческих семинарах в последние годы приверженцев «веселого цеха» явно недостает, хотя в «Северной правде» они регулярно печатают свои миниатюры. Впрочем, костромичей среди них — раз, два и обчелся. А ведь писательская организация первой в стране создала секцию сатиры и юмора, возглавлять которую доверили мне. Не буду утверждать, но очень может быть, что именно мы послужили примером Союзу писателей России, организовавшему в 2000-м году такую секцию в масштабах страны. Название ей дано «Русский смех». В ее ближайших планах — издание смехогазеты, учреждение премий имени Козьмы Пруткова, деда Щукаря, Василия Теркина...

Это отрадное явление! Наконец-то мы будем иметь СВОЕ. А то ведь обидно, когда в разделах сатиры и юмора столичных СМИ публикуются подборки под рубриками «Из английского юмора», «Поляки шутят», «Еврейский юмор»... Будто и нет в нашей державе русских смехотворцев, приверженцев чеховского направления в юмористике. Созидающего, а не разрушительного.

Намотайте себе на ус, костромские смехотворцы!

Виталий Пашин

Евгений Бойцов

ПАРОДИИ

СЧАСТЛИВЧИК

Вечер красками алыми
Запыпал.
Вдруг Пржевальский пожаловал
И сказал
Доверительно, ласково:
«Слезь с коня.
Это лошадь Пржевальского,
Не твоя!»

Алексей Зябликов

Заболел я недавно желтухой,
Пил фестал.
Но однажды мне доктор «под мухою»
Проболтал:
«Зря устроил ты тут кино,
Ох и зря!
Ведь болезнь эта все-таки Боткина,
Не твоя!»

От обиды ручки и ноженьки
Заплелись
И убого, юродиво к боженьке
Подались.
Только врач задышал носа хоботом
На меня:
«Брось дурить! Паркинсона хвороба-то,
Не твоя!

И не брызгай на пищу до наглого
Ты слюной!
Все равно физионтик это Павлова,
А не твой!
И не путай — прошу тебя ласково
Об одном —
Лошадь нашего Пржевальского
Ты с конем.

А уж если так мыслится фауна —
Бог с тобой.
Ты — счастливчик! Недуг это Дауна,
А не твой!»

ВЫНОСЛИВЫЙ МУЖЧИНА

Любимый,
После вас осталась пустота...

Елена Смоленцева

Любимый, вы ушли с рассветом.
Но чтобы так?! Ах, боже мой!
Исчезли тихо и при этом
Все прихватили вы с собой.

Теперь пусты мои покои,
Проснулась среди голых стен.
Вы даже сняли с них обои,
Уж я молчу про гобелен.

А вы выносливый мужчина!
Пропал и «телик», и «видак»,
Трюмо, диван и пианино...
Вы стенку вынесли, но как?!

А я вам верила, любила...
Но унесли вы все за час.
И прихватили даже мыло,
А заодно и унитаз.

Вы — Копперфильд, вы — парень ловкий,
И время тратили не зря.
Но женское белье с веревки
Зачем вам, честно говоря?..

Вокруг меня опустошенье,
Всю обобрали догола,
Оставив только вдохновенье...
Прикрылась им я, как могла.

ДЕСЕРТНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

Я — праздничный десерт в конце пути...

Вы вспомните меня и мой глагол
Потом, когда не будет слишком сыто.

Ирина Блинова

Я очень сытых не люблю
И в размышленьях небесплодных
Своим глаголом накормлю
Всегда читателей голодных.

Не обделю их ни на грамм.
Отмеченная божьей меткой,
Я хоть конфетку, но подам.
Я выгляжу сама конфеткой!

Лиши разверни и проглоти!
А все, что далее случится,
Почувствуешь в конце пути...
Здесь главное — не подавиться!

Татьяна Кудрявцева, Вячеслав Дробышев

Вячеслав Дробышев
г.Буй

* * *

Заблудилось бабье лето
В нынешнем году.
Чья-то песня не допета —
Я ее найду.

Допою ее, как прежде.
Только счастья нет.
И несмелый луч надежды
Спрячу в тот куплет.

Спрячу горький лист осинки
В память о тебе,

Кружевые паутинки
О своей судьбе...

Что когда-то начиналось,
Как узор, с канвы,
Да нечаянно порвалось
От людской молвы.

И мотив негромкий этот
С грустью пополам
Пусть несет осенний ветер
По пустым полям.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поседели рыжие поля,
Серый лес промок под серым небом.
Ждет зимы уставшая земля,
Одарив людей вином и хлебом.

Только вот вино не веселит —
Пьем, как газированную воду.
Сердце даже в праздники болит,
И душа покоя не находит.

Редко слышишь песни за столом,
Старые — забыли, новых — нету.
Смотришь целый день, упервшись лбом,
В «ящик», как надикую планету.

Якубович в майке голубой
Раздает подарки между делом.
Девочки танцующей толпой
Подменяют песню голым телом.

Дальше — боевик. Опять стрелять
Будет Норрис по толпе падучих.
«Ну пошли, старик, пораньше спать...
Завтра, может, пенсию получим».

Николай Янкин

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ

Джон Браун внезапно проснулся у себя в спальне. Полная луна ярко светила сквозь плотные шторы, и от ее серебряного потока вещи, до этого о себе ничем не заявлявшие, обрели способность перевоплощаться. Старый торшер (когда он придвинул его так близко?), который Браун давно собирался выкинуть, кажется присевшим на край кровати и что-то читающим стариком. Джон Браун перевел взгляд на то место, где, по его мнению, раньше находился торшер, и чуть не закричал: торшер стоял на своем месте! Тогда кто же сидит у него в ногах?!

Браун медленно повернул голову, и волосы у него зашевелились: старик сидел по-прежнему, но уже глядел не в бумажку, а прямо на него. Джон Браун моментально закрыл глаза.

— Господин Браун, перестаньте притворяться! Я вижу, что вы не спите, — услышал он скрипучий голос.

— В самом деле, я только что проснулся, — заговорил Браун, стараясь казаться бодрым и спокойным. — Какая лунная ночь, не правда ли? Чем могу быть полезен?

— Бенжамен Крафт, 1897-1993.

— Бенжамен Крафт? Мы, кажется, не знакомы. А что означают сказанные вами цифры?

— Годы жизни.

— То есть как годы жизни, в каком смысле?

— В самом прямом. В том смысле, в каком вы наблюдаете их на могильных плитах.

Комната закачалась перед глазами бедного Джона Брауна, но все еще не хотелось верить, что мертвец пожаловал к нему в спальню.

— Пристало ли вам так шутить в ваши годы, дедушка Бенжамен? Признайтесь, вас подослал кто-нибудь из моих знакомых? Я знаю, некоторых хлебом не корми — дай устроить что-нибудь этакое, чтобы волосы дыбом и глаза из орбит. Такие озорники, знаете...

— Никаких шуток, — раздраженно проговорил старик. — Господин Браун, вы напечатали тест-опросник о продолжительности жизни в журнале «Ёхелф»?

— Да, я часто посылаю в разные журналы мои труды.

— Меня не интересует ваша научная деятельность. Речь идет только о тест-опроснике. Я тщательно проверил все пункты и обнаружил, что вы обсчитали меня ровно на три с половиной года. Как прикажете это понимать, господин Браун?

Разум отказывался воспринимать происходивший кошмар, но при всей абсурдности ситуации в глубине души Браун не мог не согласиться с требованием старика: проверить правильность расчетов могли только люди, имеющие в своей биографии заключительную дату.

Джон Браун приподнялся в постели и с опаской сел рядом с Крафтом. Через минуту он уже забыл обо всем и с головой ушел в расчеты. Старик Бенжамен обладал редким здоровьем. Никогда не курил, бегал трусцой, занимался пчеловодством, словом, вел здоровый образ жизни. По линии наследственности тоже было все в порядке. Дедушки по материнской и отцовской линиям дожили до глубокой старости, и никто из них не был носителем наследственных болезней.

— А как у вас со спиртным? — спросил Браун.

— Не употреблял никогда, — ответил Крафт, но Брауну показалось, что последнюю фразу старик произнес не совсем уверенно, и он настойчиво повторил вопрос. Тогда Бенжамен Крафт неохотно признался, что в младенчестве он был довольно крикливым ребенком, и отец, чтобы утихомирить маленько-го буйна, часто макал соску в глинтвейн, после чего малыш тотчас замолкал.

— Вот видите, минус четыре, — торжествующе произнес Браун.

Тест-опросник работал безукоризненно.

На какое-то время возникла пауза.

— Спасибо родителю, — наконец обиженно произнес Крафт, — отстригнул у своего любимого чада добрый кусок жизни.

Браун, собиравшийся прочитать целую лекцию о работе тест-опросника, увидел, насколько расстроен Крафт, и ему стало жаль старика.

— Ну, господин Крафт, надо ли так расстраиваться! Не много найдется на земле людей, доживших до столь почтенного возраста, как ваш.

Но Крафт не слушал. Монотонным скрипучим голосом он продолжал жаловаться. Сколько это длилось, Браун не мог определить. Вдруг он заметил, что голос старика еще звучит в его ушах, а самого Крафта уже нет. Странное порождение сна наяву растворилось в забрезжившем рассвете.

Долго Браун лежал с открытыми глазами. Зазвонил телефон. Это был редактор журнала «Ё хелф» Майкл Дуглас.

— Поздравляю! — кричал в трубку Майкл. — Полный успех тест-опросника! Приготовь к следующему выходу номера что-нибудь в этом духе.

— Знаешь, Майкл, сегодня ночью я подумал, что с подобными вещами следует поступать осмотрительно и взвешенно...

— Что, ты отказываешься? Могу отдать заказ другому.

— Я не отказываюсь, Майкл, просто мне показалось... нет, ничего, не обращай внимания.

— Ну будь здоров, Джон.

После звонка редактора Джон Браун уже хотел приступить к работе, как вдруг его внимание привлек клочок бумаги, высовывавшийся из-под кровати. Джон поднял его и увидел столбики корявых цифр, написанных как бы рукой с негнувшимися пальцами.

Ирина Блинова

МОЛИТВА

Боже, подай мне любовь на бедность,
Чтоб не слабеть в пути.

Я уж жила без нее — неизбежность
Нищей с сумой идти.

Я не прошу у людей, а только:
Боже, прошу, подай!
Знаю, потом нестерпимо горько,
Нынче ж пусть через край!

Веришь ли, мне ничего не нужно,
Но без нее никак
Не воскресить, не расправить душу,
Стертую, как пятак.

... Дворик заснеженный, обледеневший
Как же мне обогреть?
Пламенем в чьей-то судьбе пролетевши,
Можно и умереть.

ПРОЩАЛЬНАЯ

Перевернута страничка,
Две минуты — и вот-вот
Жизнь моя, как электричка,
От перрона отойдет.
Пусть уплачены монеты,
Может, эта жизнь — не та,
Мест свободных больше нету.
Все в ней заняты места.

Что же, сударь, до свиданья,
Что-то спелось, что-то — нет,
Многословное молчанье,
В колее все глубже след,
Слово, сказанное мельком,
Отведенные глаза,
Поднимися по ступенькам,
Засмотрись на образа.

Потихоньку, помаленьку,
Шаг за шагом путь земной,
Нам нельзя через ступеньку,
Не пропустим ни одной...
Даже не рукопожатье,
А пока что только взгляд,
Но, до храма не добравшись,
Повернули мы назад.

Электрички разлетелись,
Что же на судьбу пенять,
Мы места занять успели,
Их уже не поменять...
Жизнь, закрученная лихо,
То ли явь, а то ли сон.
«До свиданья, сударь», — тихо
Нам поет магнитофон.

* * *

Кому же теперь из кусочков меня собирать?
Только самой,
Больше некому.
Когда я здорова и весела — целая рать
Ринется в бой,
Каждый собой
Доволен,
Таким быть из века ему.

А мне остается в итоге лишь горечь, и боль,
И ощущенье
Отдельности.
Мне в вашем мире тесно, меня распирает свой
И невозможность
Ему неверности.

Вот так и живу с ощущеньем запекшихся ран —
Нигде не своя,
Всем ненужная.
Как будто взметнул меня в воздух
Подъемнейший кран.
И, может быть, я,
Оттуда летя,
Совсем одолею
Чужое, натужное.

Вячеслав Арсентьев
п.Поназырево

Из рассказа «Случай в деревне»

К чему бить кулаком в стенку, сбрасывать толстое одеяло на пол, скрипеть зубами в злом бессилии и ругать себя на чем свет стоит, когда пьяный, дикий поступок уже совершен? Время закрепило его как факт, и содеянное, не то что в злобе брошенное несправедливое слово, никогда не взять обратно...

В темноте Степан смутно различал матовые квадратики окон, а за ними — ровный беловатый отсвет: только что выпал снег, первый в этом году настоящий снег. Громко стучали старинные дедовы часы, и сам дед шумно всхрапывал за занавеской. На кровати в большой половине ворочалась мать, зевала и вслух вспоминала Бога: «О осподи!» (Не сегодня-завтра должна была отелиться корова.) Потом мать встала и с фонарем пошла в хлев.

Степана раздражали шорохи за стеной, мурлыканье кошки, даже стук часов. Все это мешало ему заснуть, а так хотелось забыться, не видеть этого бьющего в окна ровного белого света. И с закрытыми глазами он различал мягкую матовую белизну, а на ней — кровь и черное, поваленное на снег тело.

«Весь в деда Николая, — вполз в память колючий голос матери. — Буён был. Дурак, как напьется. Никакого удержу человеку. Недаром отбили ему мужики легкие. У-у, беззаворотный, и ты достукаешься когда-нибудь!.. Накопил силищи-то...» И вот эти вспомнившиеся слова матери тоже вызывали тоскливое беспокойство. Степан с ожесточением бухнул в дощатую переборку, с полки упала и разбилась чашка. Проснулся дед. Может, он вовсе не спал, притворялся спящим.

— Чево в стену-то дубасишь? Ежели выпил, так спи... Али сердце схватывает?

Степан сдержался, не ответил грубостью: уважал старика да и побаивался. В свои шестьдесят пять лет дед Николай, несмотря на больные легкие, за передок поднимал директорский «Москвич». Спроси так мать, Степан бы вволю ей нагрубил. Дед принес ковш квасу.

— У Кольки Чумаря, что ль, на проводах гулял? Пить-то в аккурат надо. С этого добра и башку потеряешь.

— Не с вина это, — через силу выдавил Степан.

— Подрался разве с кем? — Дед во всем белом, босой, присел на табурет, задымил самокруткой. — Так, дурашка, побои тоже про себя сносить надо-ть.

— Ты совхозного экономиста знаешь? — Степан сел на кровати.

— Это из конторы? Дохленький такой, с клюшечкой ходит?.. Как же! Я из району его вез! Толковый парнишка, всю дорогу проговорили, про политику... О хозяйстве все знает. Вот, говорит, ежели наши поля засевать не льном, а сажать здесь только одну картошку... А что?

Степан не ответил и торопливо, обливая грудь и простию, выпил квас.

В горнице посветлело. Казалось, снег прилип к стеклу, а с улицы кто-то светит фонарем. Скрипнула дверь, в сенях зашлипали большие материны сапоги. Через минуту ее испуганный голос заставил Степана вздрогнуть...

*Павел Мельников
г. Волгореченск*

ГЕРОИ ТЫЛА

Когда я вспоминаю все, что было
Так много-много лет тому назад,
Прошу меня считать героем тыла,
Но — оцените! — не прошу наград.

Отца и деда на войну послали,
Забрали маму на лесоповал.
Крестьянские заботы и печали
Мы с бабушкой делили — стар да мал.

... В избе морозом пахнет и угаром.
Покрыто льдом оконное стекло.
Хотя еще загнетка пышет жаром,
Закрыли выюшку: бережем тепло.

При свете керосиновой лампешки,
Поблизости от теплого шестка
Мы чистим, режем пластиком картошку.
Ее колхоз привез нам три мешка.

Еще колхоз нас обеспечил рожью.
Картошку, рожь мы высушить должны.
Ни зернышка себе — избави Боже!
Продукты эти — только для войны.

Колхозные худые лошаденки,
Про отдых позабывшие давно,
За сотню верст, на станцию Фаленки,
Свезут картошку эту и зерно.

В деревне мужиков — один безногий
Да бригадир со скрюченной рукой.
Все ближние и дальние дороги
Достались бабам, скидки — никакой.

Я помню, как, надев тулуп огромный,
Куме-соседке поручив меня,
Садилась бабка неуклюже в дровни,
Ругала матерно понурого коня.

Еще я помню, из поездок этих
Гостиинцы привозила нам она:
Мне — слипшихся «подушечек» пакетик,
Себе — полштофа красного вина...

У старого и малого на части
Рвала сердца проклятая война.
Я помню, что я плакал, хоть нечасто,
Не помню, чтобы плакала она.

Но как-то раз, средь ночи, глянув с печки,
Сама — увидел — бабка не своя:
Горели на столе четыре свечки,
Четыре свечки — муж да сыновья.

Она глядела на огни сурово —
Хотела, видно, слезы удержать —
И... пела про какого-то Ланцова,
Который вдруг надумал убежать...

НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

В дальнем поле играли зарницы,
Рожь несжатая в поле ждала,
Крепко спали усталые жницы,
Деревенька родная спала.

По лугам, по садам-огородам
Потянуло с реки холодком.
Пахло спелой малиной и медом,
Теплой пылью, парным молоком.

На подсохшем за лето болотце
Упоенно скрипел коростель.
За день вдоволь хлебнув из колодца,
Отрешенно смотрел журавель,

Как ночной стороной, по задворкам,
Где огни никогда не горят,
На свидание с утренней зорькой
Пробирался вечерний закат.

Петухи третий раз прокричали,
Не убавив ничуть тишины.
Над деревнею звезды мерцали,
Снились ей бестревожные сны...

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом хоронится под липами,
Рядом пруд — без признака воды,
Годы им лихие, видно, выпали
И на всем оставили следы.

На крылечке ветхом сяду с краешка,
Одинокий, грустный и седой.
Где сейчас ты, милая хозяйшка,
Девочка с косичкою смешной?

Видела ли ты деревья с дуплами,
Дом без крыши, окон и дверей?
Боже мой, какими были глупыми
Мы в далекой юности своей!

Как в родном kraю тогда томились мы,
Как поодиночке над прудом
Мы мечтали о любви немыслимой,
Что придет к нам в городе большом!..

Боже, Боже, что же мы наделали,
Натворили с будущим своим!
В городе живу вороной белою
И в деревне стал совсем чужим...

Скрипнула ступенька обветшавшая,
Высветилась первая звезда.
Жизнь моя, так много обещавшая,
Обещанья выполнишь когда?

Александр Хлябинов
Мантуровский район

«ДУХАРИК»

В один из весенних дней по деревенской улице нетвердой походкой передвигается шофер Колюха Грибов по прозвищу «Духарик».

Возле избы Екатерины Александровны Гущиной сидят на скамейке пенсионерки.

— Здорово, старые вешалки, — по-свойски приветствует Колюха пенсионерок.

Те хоть и привыкли к подобного рода «приветствиям» подвыпившего односельчанина (у трезвого-то у него, как они говорят, «в рот дыры нет»), но на слова его реагируют бурно:

— Здоровей видали!

— Явился — не запылился.

— Катька с ребятишками на грядках убиваются, а он куrolесит...

Колюха грузно опускается на край скамейки.

— Гуляю на законном основании. Сегодня мне сороковник стукнул.

— Хоть бы чекушку поставил нам, старухам, за юбилейто, — с лукавинкой в голосе говорит самая шустрая из старушек Александра Васильевна.

— А что, я мигом слетаю, — бойится Колюха.

— Сиди-ка уж, сиди, не гоношись, — удерживают его собеседницы.

— Мы ведь смехом сказали-то...

— Может, за гармонью сбегать, а?.. — не унимался Колюха.

— Ох, и дадим звону!

— Матвеевна, помнишь, как Василий Степанович твой на гармошке играл? Не хочешь, да спляшешь!

Глаза Матвеевны повлажнели.

— Знамо дело, помню... Первый гармонист муженек мой был на всю округу...

— Эдак, эдак, — соглашаются с Матвеевной подруги.

Колюха вдруг сноровисто вскочил на ноги, прошелся петухом по лужайке, отчебучил:

Сидит милка на крыльце
С выраженьем на лице.
Выражает то лицо,
Чем садятся на крыльце.

— Охальник ты, Колюха, — притворчиво сердится кто-то.
— Делай, Коля, забастовку, бей у матки все горшки! — поддерживает лирический настрой односельчанина Александра Васильевна.

— Кажись, Катерина бежит, — замечает Матвеевна.
— Будьте здоровы, бабуси, — потухшим голосом говорит Колюха. — Отбываю на другое мероприятие.
И он смиренно зашагал навстречу супруге.

Татьяна Голятина
г.Нея

* * *

Первый ребенок — последняя кукла.
Народная мудрость

Я дочурке, крохе кареглазой,
По обновке шила каждый день.
И она, забыв свои проказы,
К зеркалу вела меня: «Одень!»

Плечиком водила величаво,
Иискрились радостью глаза.
Замирала, становилась павой
В тот момент девчонка-егоза.

... Глянь, в ее руках мелькают спицы —
Как мне времени постигнуть бег? —
И спешит в обновку нарядиться
Солнышко ее — сынишка Глеб.

* * *

Лето проведу на огороде.
Может, будет толк и от меня.
Ровные ряды морковки всходят,
Изумрудной зеленью маня.

Лук, пустив игольчатые стрелы,
Обозначил будущий вершок.
Походи, мол, надо мной умело —
К осени получишь корешок!

А капуста в веточках еловых
От жары нахохлилась пока.
Сколько надо листиков-обновок,
Чтоб крутые накопить бока!

Грядки я полола и рыхлила,
С колорадским спорила жуком
И по технологии кормила
Овощи золой с коровяком.

Я напрасно грезила успехом,
Размахнулось лето через край,
Диск палящий скоро переехал
Виды все мои на урожай.

* * *

Нелепо возвращаться в юность
И смытые искать следы,
Прошедшим чувствам повинуясь,
Бродить по краешку воды,
Едва журчащий слушать шепот
И каплю на щеке ловить,
Забыв, что неудачный опыт
Нам тоже помогает жить...

СЕВЕРНЫЕ МАЛЮТКИ

Последний день июня. Погода была дивно хороша. Солнце припекало так, что волосы под шапкой становились мокрыми. Приходилось временами снимать ее, но ветер с океана заставлял быстро ее надевать.

Я взбирался на Лялькину гору. Хотелось с вершины в последний раз глянуть окрест, попрощаться с Заполярем. Не вышло, «сиверок» легко проникал сквозь одежду, меховую куртку. Вдали на озере под защитой скал, сидя голышом, загорали мальчишки. Некоторые даже в воду сумели залезть. Сорванцы! С огнем играют. Рядом отроги Верхоянского хребта. Внушительные черно-синие горы. Кажется, стоят они вечно и нерушимо, скованные мерзлотой и постоянным холодом, и даже незахожее весенне солнце не может согреть каменные громады. Быстро скатываюсь вниз, в тундру.

Хороша тундра весной! На каждой кочке, клочке сухой земли обилие подснежников, каких только расцветок и форм не создала здесь природа. Кучками стоят «кактусы», усыпанные крупными алыми цветами. Лепестки их цветков прозрачны. Внутри спонник тычинок словно желто-красное солнышко горит, неземным цветом переливает, колышется.

Не спеша, огибая болотца, иду к морю Лаптевых. Берег высокий, глинистый. У берега лед растаял, обнажив темную воду. Не зря якуты называют это место Хара-Улах — Черная Вода. Чуть дальше — двухметровой толщины лед. Иду по тропке вдоль моря.

Иногда встречаются редкие рыбаки. Они земли не признают. Идут по льду. Тащат на железных санках мешки с нельмой и муксуном. Рыбу эту, и правда редкого вкуса, едят сырую. В последние годы едоки привередливы стали, кетчупом или томатной пастой перед едой ее обливают.

Впереди тропа лощинку пересекает. В ней затишье. Поутих злой ветерок. Бревно лежит седое от старости. Весьма кстати. Сажусь на него. Ушанку снимаю.

Гляжу, под ногами красный ковер. Сорвал растеньице. Да это же наш щавель! Родной ты мой! Только ростом не удался. Чуть выше спичечного коробка, и листьев нет — северная судьба обидела. Стебель, красное соцветие — и все, но вкус! Не сравнишь с заморскими фруктами, что в банках в фактории продают. Тут витамин натуральный, неброский, но полезный

и свежий. Он и на родине, на костромской земле, большим почетом пользуется. Набивая рот кислым даровым продуктом, узрел во мху пестик — зеленый, махонький. Нагибаюсь, а это сережка ивы. Стволика почти нет. Зеленая сережка больше самого дерева. Знаю, что ива на два дома живет. На одной иве только женские цветки, на другой «мужчины-цветы» красуются. Надо друга искать.

Раздвигаю руками мох и вижу крохотную березку. Она не стояла, а лежала, заслонясь мхом от обжигающего холдом ветра. Листьев еще не было, но почки проснулись, набухли. Зевать здесь нельзя. Несколько дней дается малютке на полноценную жизнь. Северная березка. Выбросит она через неделю листочки с ноготок младенца. Распустится. Сережками украсится, но не встанет. Еще сильнее прижмется к холодной сырой земле-матушке. У самого Ледовитого океана родная русская березка... Стужу и долгие-долгие полярные ночи пернесла. Растет, людям радость дает. Эх! Теплого, теплого лета тебе, березка заполярная!

Наталья Мусинова

* * *

Белладонна распустилась у пруда.
Я бездомна, сумасшедша, молода.
Мир покинув, здесь одна живу в лесу,
Как ундина, заплетаю цвет в косу.

Что мне люди, что мне нравы да молва?!

Пусть забудут, что и вовсе я жива.

Счастье — в росах умываться поутру,

Счастье — в травах укрываться ввечеру.

Это многим непонятно, ну и что ж!

Оттого мой мир на их и не похож.

Ах, оставьте! Ах, пройдите стороной!..

Белладонна аромат подарит свой.

* * *

Что мне полночь?
Я опомнюсь,
Когда утро в дом войдет
И усталость
И истому
Вместе с солнцем разольет.
Положу стихи на полку.
Боже мой!
Какой развал:
Апельсиновые корки,
Кофе,
Пачка от сигар...
Пуст диван,
Прилягу сонно.
Пыль дрожит в лучах окна,
Утопая
В легких волнах

Штор испанского сукна.
И засну, наверно, даже,
Уронив лениво плед.
Луч сбежит
По вернисажу
Всех предметов
На паркет,
И свернется он клубочком,
И притихнет, и вздремнет,
И меня
До самой ночи
От беды убережет.
А когда закат
Растает,
Уступая звездам путь,
Я за новыми стихами
Не смогу опять
Уснуть!

* * *

Я видела церкви,
Они напоминали белых птиц
В небе заката.
Их купола тянулись ввысь,
Они хотели оторваться
От этой грешной земли —
Туда, в необъятную бесконечность,
Но плач и горе людское
Останавливали их.
И они смиренno молчали,
Лишь изредка звоня в колокола,
Душой стремясь в небо,
А сердцем оставаясь на земле.

* * *

Я стала исправляться,
Я — просто молодчина:
Варю варенье, братцы,
Из сахарной малины,
Готовлю суп молочный,
Стираю, шью и гляжу.
Когда роман закончу?
Теперь не знаю даже.

* * *

Что это было на плечах твоих:
Нежное, легкое, с белою горошиной?

Что это было в волосах твоих:
Хрупкое, звонкое, гроздьями наброшено?

Что это было на губах твоих:
Темное, теплое, пятнышко размытое?

Что это было на руках твоих:
Влажное, горькое, терпкое... разбитое?

* * *

Заморгали холодные окна
Уставшего города.
Звезды спрятались в тумане.
Луна.
Раздались и быстро удалились
Шаги одинокого прохожего.
Длинный след затерялся где-то.
Ночь.
Беспорядочно суетятся люди
В своем ограниченном пространстве.
Четыре стены давят и поддерживают их.
Изгнанники.
Не ведают, не понимают, мечутся,
А ночь всех утихомирит,
Заставит слипаться свинцом налившиеся веки.
Сон.
И вот последнее бордовое бра погасло.
Темнота захватила бесприютных,
Временно удалившихся в свои кельи.
Вечность.
В этом всепоглощающем мраке
Исчезли мириады людей.
Теперь и они не видны так же,
Как
И весь осталной многогранный,
Знакомый и неведомый,
Реальный и иллюзорный мир.
Время.

Анатолий Смердов
п.Вохма

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В детстве мир ярок, богат и загадочен. Нас, ребятишек, почему-то влекло, несмотря на огромный страх, в нежилые, заброшенные дома. Мне тогда было девять лет, двоюродному брату Леньке — семь. Жили мы в разных деревнях. В зимние каникулы матери отпустили нас в соседнюю деревню к бабушке. Без родительского догляда жилось весело и вольготно. Ребячих дел, выдумок и забав хватало с утра до вечера.

На краю бабушкиной деревни жили одинокие старушки. Зиновьи летом не стало, за ее опустевшим домом приглядывала Настасья. Компания наша примеривалась побывать в дому, да страх сковывал. А тут мы с Ленькой все же решились. Через разбитое окно чулана забрались в избу. Чего там только не было!.. Разных форм и размеров пузырьки, катушки из-под ниток, гвозди, болтики, множество железок. В спешке и азарте мы случайно выдавили стекло ветхой рамы. Из обнаруженной на печи надорванной подушки зачем-то вытряхнули перо у окна...

Удовлетворив свое любопытство, с весомой добычей в карманах, довольные, мы побежали к бабушке. Она усадила намерзшихся внуков обедать. К концу трапезы приковыляла вдруг Настасья и давай причитать:

— Ой, Анна, грех-то какой — редко поминаю Зиновьюшку! Знаки есть, нечистая сила в дому завелась! Вокруг-от везде черный пух навеян. В окошки-ти заглянула, а залавок и сундук нараспашку, икона-ти покосилась...

Старушки ахали и крестились. У нас с Ленькой еда встала комом. На улице появиться мы больше не рискнули, томились дома.

Под вечер за нами пришла моя мать. Бабушка поведала ей о деревенских новостях. Мама сразу смекнула, что это за нечистая сила. Хвать за наши шубейки, а там в оттопыренных карманах — сплошной звон да бряк. Вышла она на улицу, выломала черемуховую вицу и давай нас охаживать! Орали и прыгали мы, как настоящие бесенята. Потом, под «конвоем» матери с той же вицей, потрусили из гостей, по пути выбрасывая для легкости хода и избавления от улик всячую всячину из карманов.

Наметом и без остановки Ленька пролетел в свою деревню, а мне дальше деваться было некуда. Весь вечер, стоя в углу, я размазывал по щекам слезы.

Долго еще нас в школе дразнили «нечистой силой».

Татьяна Расулова
г.Нея

РОМАНС

Любовь — живительный источник
Для душ, уставших от скитаний,
От уз ненужных и непрочных,
От страшных разочарований.

Любовь залечит ваши раны,
Вернет сердцам былую силу...
О, как вы будете желанны!
О, как вы будете красивы!

Любовь? Теперь я знаю точно
(Не может в этом быть сомненья):
Любовь — живительный источник.
Любовь — источник вдохновенья!

И все известные поэты
(А неизвестные тем более)
Любовью были обогреты
Или ослеплены любовью.

АВГУСТ

Золотистый парашютик
Приземлился на ладони.
Это август с нами шутит,
Рой опавших листьев гонит.

Он сменил сюртук зеленый
На багряную жилетку.
Перед ним в полу поклоне
Яблони склонили ветки.

В паре с ветром польку пляшет
В желтой мантии осинка,
А березка лету машет
Своей легкою косынкой.

Август, провожая лето,
В осень двери открывает.
Нам прощальным балом этим
Расставанье предвещает.

ОДНА

Какая полная луна
В окно глядится!
А я одна, опять одна,
И мне не спится.

Поговорить хочу с тобой,
Луна, немного.
Тебе на небе быть одной
Не одиноко?

Не грустно ночью в облаках
Одной купаться?
На звездных золотых лучах
Одной качаться?

Но на вопросы мне луна
Не даст ответа.
И я одна, опять одна
Дождусь рассвета.

МУЖСКОЕ ИМЯ

Саша ходила в первый класс при детском саде. Утром к первоклассникам приходил учитель, днем спали и играли. Вечером гуляли и ждали, когда родители заберут их домой. В детском саду Саше было скучно. Тихо сидеть на ковре и играть с куклами ей не нравилось. Воспитательнице — донельзя напудренную даму с гладкими черными волосами и острым носом — она терпеть не могла. Внешность для ребенка восьми лет играет немаловажную роль, но дело было не во внешности. Спросите любого ребенка, какой должна быть воспитательница, и он ответит — доброй. Светлана Владимировна таковой не являлась. Однажды на уроке рисования дети рисовали маму (приближался день Восьмого марта). Саше незадолго до этого папа подарил фигурную линейку, которую дочка решила использовать для маминого портрета. Бледная от пудры Светлана Владимировна ходила по рядам — заглядывала в рисунки. Остановилась у Сашиного стола. Тонкие губки скривились усмешкой.

— Посмотрите, — она подняла листок с портретом, — у мамы Саши Перовой голова квадратная.

Дети, естественно, засмеялись. Саша, получив свой листок, дорисовала по линейке разнокалиберные кружочки кудряшек, сделала геометрический узор на мамином платье и, подумав, подправила треугольный рот мамы двумя маленькими треугольничками, получились красивые, почти как настоящие, губы малинового цвета. Рисованная мама ей очень понравилась. Остальным детям из группы тоже: когда рисунки были вывешены на всеобщее обозрение в коридоре, каждый ребенок тянулся свою маму к рисунку Саши, с гордостью объявляя: «Это у мамы Перовой голова квадратная», и уж потом показывал «свой» портрет. После Перовского кубизма любая, даже самая неудавшаяся мама с коричневым лицом и расплывшимися глазами просто обязана была выглядеть красавицей.

Александра любила рисовать. Главным ее богатством были несколько альбомов, блокнот, шариковые ручки с разноцветной пастой и коробка чешских цветных карандашей. Но тогда в моду входили фломастеры. У Саши их не было. У девочек в группе были. По вечерам все они, за кем еще не пришли родители, садились за одну парту, и хозяйка фломастеров правила бал. Здесь были свои законы. Во-первых, нельзя долго рисовать одним фломастером — засохнет; во-вторых, нельзя

срисовывать чужие рисунки; в-третьих, сидеть надо тихо, не ругаться с той, кому принадлежат «фломбики», отдавать фломастер хозяйке, если ей «нужен этот цвет». За исполнением правил зорко следили и счастливые, но строгие обладательницы волшебных карандашей, и «законопослушные» пользователи, очень хотевшие порисовать именно фломастерами, а не старомодными карандашами. Саша всегда считала, что это несправедливо: чуть что, нарушитель изгонялся из-за стола. Она упрашивала родителей купить ей коробку фломастеров. Когда все аргументы были исчерпаны, она пustila в ход свой последний козырь:

— Ну мне ведь только один раз...

Мама этого не поняла.

— На один раз и покупать не стоит.

Нет, стоит, даже очень стоит! То, что задумала Саша, стоило коробки фломастеров. Сашу порядки за «рисовальным» столом не устраивали. Она знала: многие девочки дружат только из-за фломастеров. Поэтому тихо сидят и не спорят, когда их обижают. Это было нечестно. Саша решила показать всем правду. Ей удалось уговорить родителей на покупку, и одним апрельским вечером, когда девочки сидели за партой, она нагло срисовала львенка Лены Красильниковой (та изображала только котят, зайчат, львят и им подобных бесполезных существ). За нарушение авторского права Сашу, естественно, выгнали. Довольная, она села за первую парту, распечатала заветную коробку в 12 цветов и начала рисовать по своей любимой линейке. Сегодня она создавала химическую лабораторию с фигурными склянками, весами и горящей спиртовкой, а в центре листа в образе старой ведьмы размещался львенок, похищенный у Лены Красильниковой. Те девочки, у которых не было своих фломастеров, одна за другой перешли за Сашину парту. Перова ликовала. Тихо, про себя. То, что хотела, она доказала. Рядом с нею за партой сидела Анна. У нее были фломастеры, но она тут же перешла за Сашей, потому что Саша была ее единственной подругой. И, конечно, Ане тоже не нравились условия за «рисовальным» столом.

Аню в класс привели в начале апреля. Как сказала Светлана Владимировна, «Аня к нам приехала из соседней Польши». Анины родители были строителями и приехали в Минск на полтора месяца, возводить какое-то суперсовременное сооружение. Дочку определили в Сашину группу: ненавистная воспитательница знала польский. Сначала польской девочкой, как и всеми новенькими, интересовались, но вскоре с ней стало скучно: она только улыбалась, ни слова не знала по-русски и для детей была словно с другой планеты. Александра, увидев,

что Анна совсем одна, подружилась с ней. Как они умудрялись понимать друг друга? Конечно, «дженя добрый», «дзенькуе» и «яка пани» (о Сашиных рисунках) были понятны. Да и Анна (Ана, по-польски) тоже чувствовала что-то знакомое в русском. Ана с Сашей всегда вместе обедали, рисовали и играли на прогулках. Их любимая игра сводилась к тому, что они, заняв железный катер возле песочницы, изображали двух матросов. Как и положено отважным матросам, они много разговаривали. Ана лепетала по-польски, усердно помогая себе жестами, Саша — по-русски, проговаривая каждый звук. Когда они совсем не понимали друг друга, обе хмурились, повторяли незнакомые им слова по слогам, пытаясь уловить их смысл, объясняли непонятные фразы рисунками на песке. В результате они могли договориться об условиях любой игры, в которую играли. В «моряках», например, можно было «плавать» за пределами «корабля», но только до выкрика:

— Акула!

Или:

— Позур! (Осторожно!)

Тогда обе ценой невероятных усилий взбирались на борт корабля. После благополучного спасения они обнимались и сердечно благодарили друг друга. Саша выговаривала «дзенькуе», Ана — «спасибо», в пылу обе прибавляли к этому слова на родном языке, потом объясняли их значение всеми доступными методами. С каждым днем их словарный запас пополнялся. Но в середине мая родители увезли Ану в Польшу. Напоследок они с Сашей обменялись фломастерами, но Александра ими никогда не рисовала.

В группе все началось сначала. За обедом Светлана Владимировна, предчувствуя скорую разлуку с переходившими в школу детьми, вдруг сказала:

— Как много о вас могут сказать ваши имена и фамилии. Юля Виноградова сладкая, кругленькая, как виноградинка. Лена Красильникова — настоящий художник. А Александра Перова... — она задумалась. — Жесткое, мужское имя — Александра.

— Зато мое, — огрызнулась Саша.

На своеобразном выпускном восемь девочек из их группы должны были танцевать с зонтиками. Первоклассница с мужским именем Александра на отборе в эту восьмерку не попала. Но ее зонтик прошел, он был красивым, ярким и вообще «смотрелся». Саша расстроилась чуть не до слез: ее не взяли в танец, да еще и отдали зонт другой девочке. На утреннике в зале под объявление воспитательницы нянечка расставила на паркетном полу раскрытые зонтики. Восемь «выпускниц» среди

других детей, сидевших полукругом, испуганно переглянулись. Восемь мам в рядах зрителей закивали и приготовились любоваться. Пальцы учительницы музыки запрыгали по клавишам. Девять девочек поднялись со стульчиков и на носочках побежали к своим зонтикам.

— Отдай, — чуть не плакала та, что должна была танцевать с зонтиком Александры. — Я танцую.

— Не дам! — Перова тянула ручку зонта.

Остальные танцовщицы, начавшие было старательно отсчитывать шажки и повороты, остановились, растерянно глядя кто на Сашу, кто в зал, кто на еще больше побелевшую воспитательницу. Та метнулась к Саше, вырвала зонтик, схватила Перову за руку и потащила к деревянному кубу, стоявшему у фортепьяно.

— Сиди здесь, — бросила она.

Расплакавшуюся Юлю Виноградову вместе с Сашиным зонтиком передали на успокоение раскрасневшейся маме, объявили новый номер. «Зонтики», самый красочный танец, перенесли в конец программы. О Перовой забыли. Вернее, о ней помнили, думали о ее наглости и грубости, но каждый старался не смотреть в угол за фортепьяно, откуда выглядывали красное ребро куба и худенькие ножки Саши. Только учительница музыки улыбалась девочке, и под конец программы подбодренная Александра пела любимую песню всей группы, гордо восседая на своем деревянном троне.

Ольга Херувимова
Нейский район

* * *

Все пройдет, пройдет и эта
Неизбывная тоска...

Нервно дышит сигарета —
Недокурена пока.

На сегодня фортепьяно
Замолчать обречено,

А весенний воздух пьяный,
И на скатерти вино.

Из раскрытоого оконца
Вечер в комнату проник,
Засыпающее солнце
Прячет свой печальный лик.

* * *

В смирении, перекрестясь,
Порог переступаешь храма,
Теряешь сразу с миром связь —
Мирскую грязь мирского хлама.

Здесь для истерзанной души
Молитва — радость и награда,
В неприкасаемой тиши
Горит смирения лампада.

По мрамору тяжелых плит,
По меди старого оклада
Здесь запах ладана разлит
И всепрощения прохлада.

Притихший свет больших свечей
На золоте иконостаса,
И глубина святых очей,
И лик нерукотворный Спаса.

* * *

Шоколад на губах тает,
За окном — прошлогодний снег,
Равнодушный твой дом покидает
Полюбивший тебя человек.

По любви человеку и муки,
По морозу ночному — путь.
И в жестоком спокойствии руки
Не способны надежду вернуть.

В полумраке на дно бокала
Оседают свечей огни,
Ночь хмельная вино расплескала
И шепнула устало: «Усни».

Шоколад на губах тает,
Безмятежен твой сон и снег.
Бестолковую жизнь покидает
Так любивший тебя человек.

Навсегда. Высоко. Улетает.

Юрий Гусев
Мантуровский район

Из рассказа «Обнаженные юнкера»

*

... Через часок они уже проплыли вблизи первого поселка, казавшегося совершенно вымершим. Потом встретился и второй поселок, но там над некоторыми домами все же вился дымок.

Степанов, один-единственный зналший поворот в сторону базы, пристально смотрел вперед. Указав на скрытую в зарослях широкую протоку, он приказал ребятам поворачивать. Через полчаса, отталкиваясь от речного дна шестами, они приблизились к базе.

Заметив плот, из домов выскоцили пятеро мужиков с ружьями и наставили их на ребят. Но Степанов окликнул предводителя мужиков:

— Иван Петрович, это же я — Витя!

— Да и взаправду это барчук! — удивился тот. — Какими судьбами к нам?

Ребята причалили, и Степанов поведал грустную историю про «обнаженных юнкеров».

— А что слышно из дома? — спросил он по завершению рассказа.

— Про батюшку вашего ничего не знаем, давненько уже у нас не объявлялся. А вот мамаша и сестра вас ждут-дожидаются в городе, не хотят никуда без вас ехать. Я завтра пошлю им весточку, чтобы ждали и надеялись. А что нам с остальными делать?

— Мы уже все обговорили! — вмешался Савин. — Мы берем у вас лишнее оружие и патроны, сплавляемся на плоту в море, а там, Бог даст, и корабль под триколором встретим.

— Как бы вам на корабль под красным флагом не нарваться!

— Ничего, скажем, что охотились и нас унесло в море. По одежде не разберешь, белые мы или красные.

— Да, одеты вы очень смешно! — подтвердил Иван Петрович. — Опасно в открытом море на плоту, однако. Вам бы катер добыть, тогда появится шанс хоть и до Кавказа добраться.

— Да, — отозвался Савин, — надо помозговать об этом, но утро вечера мудренее. Темнеет уже, спать пора.

Иван Петрович пригласил ребят в центральный дом, сбрав на стол все свои запасы продовольствия. Ребята ели наскоро приготовленную картошку в мундире, вяленую рыбу, икру и запивали все красным вином, еще оставшимся в подвалах базы. Через несколько минут всех сморил сон. У них был трудный день. Его тревоги и это вино свалили ребят прямо там, где они сидели.

Иван Петрович позвал мужиков, сообща они перенесли всех в сарай на пахнущее сено и накрыли одеялами.

*

Рано утром Степанова и Савина разбудил Иван Петрович:

— У нас неприятность: племянник одного из наших охранников, которого я собирался послать в город, сбежал. Он у нас «из красных», потому скорей всего подался в город, чтобы донести на вас. И ума не хватило подождать, когда я его пошлю. Так никто бы ничего не знал... Вам надо собираться и уходить отсюда, иначе вскорости могут и красные нагрянуть. А вас, барчук, мы в плавнях спрячем, ни одна живая душа не найдет, даже Ванятка, хоть он эти места тоже знает. Теперь вам хорошо бы на охоту сходить да дичи настрелять, а то питаться будет нечем.

Юнкеров разделили на охотников и рыболовов. К полу-дню все вернулись с добычей. И рыбы, и птицы в окружающих заводах было много. С Савиным собрались уезжать двадцать человек, большему количеству оружия и патронов база предоставить не могла. Остальные решились вместе со Степановым податься в город.

Провожая Савина, Степанов остановился и, хлопнув себя по лбу, сказал:

— Слушай, Олег, а ведь вам надо остаться и ждать катер, на котором приплывут красные, чтобы вы смогли его захватить! На плоту вы точно до Кавказа не доплынете.

— Правильно, — отозвался Савин. — Как я сам не догадался! Давай-ка проведем разведку, где лучше устроить засаду. Там мы их достойно встретим.

На середине протоки, где ивы особенно густо сплелись, на деревьях было подготовлено несколько площадок для засады. Высмотрели места и на берегу, чтобы спрятаться стрелкам, даже подготовили лодки для абордажа.

— Если у них будет капитан дурак, мы легко одолеем, но коль он будет начеку, драться придется всерьез, — сказал Савин.

— Всегда надо рассчитывать на умного противника. Больше шансов на победу, — отозвался Степанов.

*

Через пару дней по протоке уже шел паровой катер с группой краснофлотцев на борту. Как только они вошли в протоку, капитан катера приказал всем спрятаться за бортами и внимательно осматривать берег, ожидая нападения. Но он не учел возможности нападения сверху.

Как только катер подошел к месту засады, по знаку Савина юнкера открыли прицельный огонь с трех сторон: с обоих берегов и с площадок, устроенных на верхушках деревьев.

Буквально через пять минут вся палуба была усеяна мертвыми телами. У юнкеров было ранено три человека. Катер остановился. Из трюма показались двое машинистов с поднятыми руками. В рубке раздался выстрел. Оттуда тоже с поднятыми руками вышел матрос и сообщил:

— Капитан застрелился. А мы с машинистами белому движению сочувствуем.

Юнкера заняли катер, осмотрели трофеи: оружие, патроны, маленькую пушечку... Затем на базе погрузили продовольствие, воду, одеяла и отплыли вниз по течению. Степанов с оставшимися пятью юнкерами долго махали им вслед. Из дома на них зло смотрел дядя Ваняшки, убитого на палубе катера вместе с матросами. Степанов заметил этот взгляд и задумался.

На следующий день он предложил Ивану Петровичу базу ликвидировать, имущество тайно спрятать и всем по одному добираться до города. Красные просто так пропажу катера не оставят и придут сюда более крупным воинским подразделением. Надо уходить, а дядю Ваняшки оставить здесь якобы для охраны, иначе он тоже предаст, как и племянник.

Иван Петрович с этими доводами согласился, уразумев, что это в сложившейся ситуации наилучший выход. В конце концов хозяином имущества базы был не он, а Степановы.

*Леонид Агарков
п.Вохма*

* * *

Я был в то утро одинок,
Мечтал увидеть мир зеленым,
Но в руки мне упал листок
С ветвей светлеющего клена.
Прозрачен, трепетен и желт,
В росе рассветной акварели,

Он холодом ладони жег
И запах нес осенней прели...
А золото текло с вершин
И влажно под ногой блестело,
И дерево моей души
Вдруг обнажилось, опустело...

ФАНТАЗИЯ

Лето спелое упало
На поветь волною сена
И отхлынуло в прохладу
Затаившихся лесов.
По росе лугов туманных
Тихо бродят сновиденья,
Зябко вздрагивая кожей
От лещачьих голосов.
У дверей, открытых настежь,
Темный глаз цыганской ночи,
Августовской влажной ночи
С колдовской искрой зарниц.
От свечи моих раздумий
На стене играют тени,
Шелестит пугливый ветер
Горстью вырванных страниц.
Утро встретит за холмами
Осень с птичьего полета,
И осыплет серый дождик
Золотые крылья дня.
С потемневших крыш сорвется
Хриплый крик вороньей стаи
И настигнет, словно выстрел,
За околицей меня.

* * *

Снег по дворику порхал,
Льнул к березам и крылечку.
Фея ночи прикоснулась
Нежным пальчиком к устам.
В тишине принес я дров
В остывающую печку
И признался фее милой,
Как отчаянно устал...
Мы бессонницу вдвоем
Коротали до рассвета.
Ах, как славно и спокойно
У огня среди зимы!
Я читал свои стихи
О цветах шального лета

И смотрел, как в паутинах
Тщетно бьются тени тьмы.
Снег кружился, веселясь,
Заметал мое крылечко
И следы мои к дороге,
Мою память, мою жизнь.
Сохрани мое тепло,
Остывающая печка,
А вернется фея ночи —
Ты ей что-нибудь скажи...

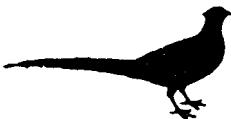
* * *

Была печальна и проста
Природа нашей странной встречи,
С прощальным шелестом листа
Ложился нежный снег на плечи.
Цвел летний сад,
Цвела вода,
Цвела решетка кружевная.
У лебединого пруда
Шла незнакомка неземная.
Одeta в черные тона,
Обожествляя холст аллеи,
Знак чистоты несла она,
Лишь губы грешные алели...

* * *

В глубину воздушного теченья,
Рассекая телом синеву,
Падаю стремительно тенью
И, прервав падение, плыву.
И кричу, звеня счастливым смехом,
От сознанья сил и наготы,
И земля грудным и нежным эхом
Вверх струит деревья и цветы.

ДРАКОН

Когда солнце дружило с луной, когда в лесах разгуливали феи, там, где с землею сходилось небо, жил дракон. Нет, это был не злой дракон, а напротив, очень мудрый и добрый. Он жил в пещере, как и любой другой мудрый дракон. У него было могучее туловище и одна пара лап, располагавшихся непосредственно под кожистыми белыми крыльями.

Дракона звали Ирис. Он прожил в этой самой пещере 561 год, пока на старости лет не услышал легенду о Горе драконов. Туда прилетали все драконы, чтобы спокойно умереть. Путь туда был нелегкий, но дракону Ирису так наскучило сидеть одному в пещере, что он решил полететь и разыскать чудесную гору, чтобы достойно там умереть и встретиться с духами своих предков.

Ирис был последним драконом. Он многое повидал за свою долгую драконью жизнь. И сейчас он летел, расправив белоснежные крылья и вдыхая аромат цветов, доносившийся откуда-то снизу. Этот аромат навевал ему сладкие воспоминания.

Когда Ирис был еще молод (лет 400 тому назад), к нему приходили за советом мудрецы и правители. Он видел добро и зло, любовь и ненависть. А сейчас о нем забыли. Дракон сложил крылья, подобрал лапы и приземлился отдохнуть на скалу. Ему было грустно. Ирис посмотрел вдаль и увидел красную полоску заката, старый дуб, ветви которого раскачивал ветер. Дракон вспомнил, что однажды возле этого самого дуба он встретил юношу, и тот стал его другом. Именно этот юноша когда-то (лет 300 тому назад) спас дракону жизнь. Ирис закрыл глаза и погрузился в воспоминания...

Давным-давно, когда в одной маленькой деревушке, неподалеку от которой жил Ирис, считали, что драконы — порождение зла, жители, узнав, что рядом живет дракон, решили убить его. Снарядив небольшое войско, они направились к пещере Ириса. Но один молодой человек по имени Фоломей не верил в сказки про злых драконов. Он знал, что драконы, обитающие в пещерах, абсолютно безобидны и очень мудры. Фоломей побежал предупредить дракона Ириса и встретил его у дуба. Дракон успел переселиться.

Вы спросите, почему же сильный дракон не мог справиться с кучкой людей и предпочел перебраться в более спокойное место? Ирис был мудрым и справедливым драконом. Он считал, что силой многое не решишь, что разъяренную толпу вразу-

мить нельзя. Зато дракон Ирис подружился с Фоломеем. Дракон часто катал его на спине, учил быть искренним и честным, учил верить в добро...

После долгих воспоминаний дракон сладко зевнул, расправил крылья и полетел дальше. Наступала ночь. На небе зажглись звезды, из-за облака выглянула луна. На фоне темного неба белоснежный дракон выглядел сказочно. Каждая чешуйка на его спине поблескивала перламутром. Звезды водили хороводы, а Ирис напевал себе под нос красивую древнюю песню.

Но что это светится там вдалеке? Дракон открыл в изумлении пасть. Он даже остановился, не зная, лететь ему дальше или висеть неподвижно в воздухе. То, что увидел Ирис, действительно было прекрасным зрелищем.

Вдруг неизвестно откуда перед ним выросла белоснежная гора, окруженная духами умерших драконов. Они парили в воздухе под чудную мелодию. И тут дух дракона Ириса покинул драконью плоть и направился к горе. Дракон умер. Умер от избытка чувств, охвативших его. Духи предков крутили и крутили рядом. Они крутили здесь уже на протяжении многих веков, наблюдая за жизнью людей внизу, на земле, стараясь исправить людские ошибки.

До наших дней сохранилась прекрасная легенда. Приблизительно раз в десять лет дракон Ирис пролетает по всем городам. У нас это принято считать солнечным затмением. А вы приглядитесь к небу! Возможно, вам будет дано увидеть прекрасного белого дракона, величественно парящего в воздухе.

Постскриптум.

Наступил 2000 год. Дух дракона Ириса парит над землей, чтобы напоминать о том, что есть на земле справедливость и честность, чувство долга и доброта. И в конце концов все долги будут заплачены, а все желания сбудутся. Ведь надежда, как известно, умирает последней!

*Галина Попова
г.Шарья*

* * *

Осень заплачет холодным дождем.
Рыжие клены в тоске безнадежной
Сбросят свои золотые одежду,
В тихой печали застыв за окном.

Осень — не время мечтать и любить.
Пусть еще жаром пылают карминным
Возле дороги шоссейной рябины —
Этот костер не задуть, не залить.

Зябко и сыро, но как-то светло,
Словно в душе засветилась лампада.
Ну не везет мне в любви — и не надо!
Мне — птице вольной — сломали крыло.

Но все равно я умею летать,
Радость полета еще не забыта
Мной. И душа, словно книга, раскрыта.
Ты разучился, наверно, читать.

Время реально осмыслить все то,
Что не имело значения летом.
Пусть ты не стал для меня целым светом —
Тесный твой мир отгорожен чертой.

Чудная осень, и мне ли жалеть
Радужных дней, что тобою согреты...
Нам ли, не связанным вечным обетом,
В жарком костре пылкой страсти сгореть?

Елена Еленина

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Фантастический рассказ

Солнечный луч освещал бледную худую щечку ребенка, скользил по подушке. Николай, развалившись в кресле, терпеливо ждал, когда девочка проснется. Наконец она открыла глаза, зевнула и села, свесив ноги с постели. Это был невероятно исхудавший ребенок. Темно-карие, почти черные глаза казались огромными на маленьком личике со впалыми щеками. Темные выющиеся волосы лежали на узких плечах, а талию, думал Николай, можно было обхватить пальцами. Девочка заметила незнакомого мужчину и подозрительно впилась в него своими загадочными глазами. Николай улыбнулся, подошел и присел перед ее постелью.

— Доброе утро, — сказал он. — Давай познакомимся, меня зовут Николай, а тебя?

— Александра, — ответила девочка.

— Значит, Саша?

— Александра, — поправила она.

— Ну, как хочешь. Пойдем, умоешься, оденешься, а потом я накормлю тебя завтраком, — предложил Николай.

Он хотел было взять Александру за руку, но едва к ней прикоснулся, по его руке пробежал разряд тока.

Николай быстро отдернул руку.

— Ты что? — спросил Николай, наслышанный о способностях девочки.

— Кто ты такой? — спокойно ответила она.

— Меня нанял Сергей Петрович, твой доктор. Я буду за тобой присматривать, — сказал Николай, а сам подумал: «Семилетняя девчонка, а держится, как член парламента».

— Почему ты так думаешь? — вдруг спросила Александра.

— Думаю что?

— Что держусь, как член парламента.

— Ты читаешь мои мысли? — удивился Николай. — Ну ладно, одевайся. Доктор велел привести тебя к нему, а потом мы сможем пойти погулять.

Александра прошла в огромный зал, оставив Николая в смежной с ним комнатке. Он заглянул в дверное окошко, девочка сидела в высоком кресле, к ее вискам были прикреплены провода, подключенные к какому-то аппарату. Рядом находился стол, заваленный кучей всевозможных вещей. У кресла стоял Сергей Петрович. Он что-то объяснял Александре, но слов не было слышно. Вдруг лежащий на столе кубик поднялся в воздух и полетел, попав точно в руки доктора.

Кривая на экране прибора изменилась. После множества опытов Александра, наконец, вышла. На лбу ее выступили капельки пота, она пошатывалась.

— Пойдем погуляем, — предложила она. — Мне нужен отдых.

— Давай сходим в парк аттракционов.

— Хорошо. Знаешь, Николай, ты поможешь мне осуществить мой замысел.

— Какой?

— Я сегодня умру, — спокойно ответила Александра.

— Ну что ты, это просто нервы! Ты устала и сгущаешь краски.

Девочка снисходительно улыбнулась.

— Я знала, что ты мне не поверишь, но я больше не могу жить в этом ужасном институте психологии!

Они отправились в парк отдыха. Александра была не весела, хотя по-прежнему утверждала, что последний день хочет провести весело.

— Купи мне мороженое, — попросила она.

Николай оставил девочку, как ему показалось, в самом безопасном месте — около кафе. Кругом ходят люди, а проезжая часть довольно далеко. Встав в очередь, Николай наблюдал за Александрой — она разглядывала сверкающую электрическими лампочками огромную вывеску над кафе. Внезапно Николай понял, что произойдет, и бросился к девочке, но было поздно. Александра не двигалась. Повернувшись к Николаю, она ободряюще улыбнулась. Вдруг вывеска заискрила, послышались вопли, люди бросились врассыпную, но Александра продолжала стоять и только еще раз улыбнулась. Вывеска сорвалась со стены и полетела вниз. Николай был еще на полути, когда вывеска, сверкая электрическими вспышками, накрыла Александру...

Елена Шестакова
г.Кострома

ЛЕСНАЯ ВЕДЬМА (Фольклорная фантазия)

Я живу в избушке замшелой
На куриных тоненьких ножках
В заповедных дальних пределах,
Где петляют стежки-дорожки.

Темный ельник были бормочет
Про людские судьбы и страсти,
Про любви волшебные ночи,
Про разлуки, встречи да счастье.

Я сварю любовное зелье
На хмельных, на солнечных травах,
Кто хлебнет — тому, брат, веселье,
Боль и радость, сердцу отрава.

Я еще совсем молодая
И запреты сказок презрею.
Где мой принц-царевич, не знаю,
Но молю: «Примчись поскорее!

Выпей зелья кубок дурманный,
Обними принцессу лесную,
В серо-синий вечер туманный
Обожги мне грудь поцелуем.

Ты не бойся, я не старуха
И не злая — все это сказки...»
Черный кот мурлыкает глухо:
Он живой и требует ласки.

Как и он, я здесь одинока
И мечтаю вырваться к людям.
Расступись, лесная осока,
Не шурши про грэзы о чуде.

Из цветов сплету ожерелье,
Полечу над лесом и лугом.
Мне поможет древнее зелье
Встретить день с единственным другом.

Колдовства стряхну я осколки,
Злые чары высвистит ветер,
Птицы будут петь без умолку,
Что я всех счастливей на свете.

ТИШИНА

Замерли травы, затихли цветы.
Ни ветерка над водой.
Берег пустынный, а помнишь ли ты,
Как я была молодой?

Бегала здесь я по свежести рос,
Не находя тишины.
Ветер ревзился в верхушках берез,
В бойком разлете волны.

Молодость ценит движенье и смех,
Ливня неистовый шквал,
А тишина наступает для тех,
Кто поседел и устал.

Нужно на берег тогда приходить,
Молча садиться в траву,
В небо смотреть, эту землю любить,
Верить, что вечно живу.

ОДИНОКИЙ НОВЫЙ ГОД

Молча любимый уходит под Новый год.
Нервно мигает и гаснет моя свеча.
Блестки на елке застыли, как мертвый лед.
И бесполезно вдогонку ему кричать:

«Милый, единственный, верь, мы затушим боль,
В дом возвратим нашу нежность, тепло и лад,
Будем, как прежде, у елки вдвоем с тобой,
Только вернись из печалей зимы назад».

Снег за окном отвечает безмолвьем сна,
Ветви пушистые грустно глядят в глаза.
Жаль им, что женщина плачет в ночи одна,
Так безнадежно блестит на щеке слеза.

С елки гирлянда уронит манящий свет,
Вечный, как зов корабельного маяка.
Буду я ждать, может, год, может, сотню лет:
Вера, надежда, любовь не мертвы пока.

Андрей Федоров
Красносельский район

ТРИ ВЕСЕННИХ УТРА

Лирические этюды

* * *

Свежее раннее весенне утро. Словно потягиваясь, солнце, широко раскинув у горизонта свои лучи, медленно поднималось, улыбаясь, как ребенок, пробудившийся от сна. Неторопливо шел я по тропе, наслаждаясь весной, чувствуя, как с каждой минутой солнце все больше согревает меня. Собака, бегущая впереди, с явным удовольствием обследовала мышиные норы. Утренняя дымка делала все вокруг нереальным и хрупким.

Собака замерла и посмотрела в мою сторону, взглядом спрашивая: «Что это?» Я тоже остановился, мне показалось,

что слышу то ли вскрик, то ли стон. Повернул голову, прислушался. Звук повторился: «Курлы! Курлы!» Журавли! Но было похоже, что летела не стая, а одинокая птица. Вот и он!

Журавль выплыл из голубоватой дымки, витавшей над землей, и полетел прямо на нас: «Курлы! Курлы!» Он летел низко над лугом. Все громче нарастал этот полустан-полуплач. «Курлы! Курлы!» Видно было, что каждый взмах крыльев дается ему тяжело. Ранен? Вчера целый вечер гремела ружейная канонада. Но вот он увидел нас и попытался взлететь выше. Стал подыматься, но не хватило сил. Как с горки, он заскользил вниз на своих широких крыльях. «Курлы! Курлы!» Журавль опустился еще ниже, чем до встречи с нами, и, скорбно вскрикивая, потянул к перелеску, отгородившему луг и пашню от горелого болота. Мы стояли и смотрели, пока он не исчез.

* * *

Все пропитано влагой: и земля, и воздух. Под ногами хлюпает грязь, а сверху сыплет мелкий надоедливый дождь. Ненавижу наши проселки. Глина, налипая на сапоги, утяжеляет каждый шаг. Неужто есть где-то хорошие дороги?! Решаю идти лугом к реке, чтобы вдоль нее через лес выйти к шоссе. Мокрая трава смывает налившую глину, и сразу становится легче идти. Тишину нарушает лишь шуршание дождя. Трясогузки и жаворонки, вспугнутые мною, нехотя и молча взлетают, чтобы через десяток шагов опять нырнуть в траву. Молчит луг. Молчит лес. Сыро. Не весна, а самая настоящая осень.

«Ай! Ай!» — слышу над собой. Поднимаю голову. «Ай! Ай!» Птица в черно-белом оперении вычерчивает в воздухе криевые линии. Чибис. Он поднимается к серому, без единого проблеска, небу и — «Ах! Ах!» — бросается вниз в мою сторону. Я иду к реке, а он, непрерывно ахая, преследует меня. Откуда-то появляется второй. И вот они уже оба кружат и рыдают надо мной. К ним присоединяется третий, крича: «И — я! И — я! Ах! Ах!» Он так же, как и его товарищи, делает вид, что атакует, криво падает вниз, но, не долетев до меня, взмывает вверх. Собравшись в небе, они жалуются друг другу на двуногого, вторгшегося на их территорию.

Вспоминаю из далекого детства песенку про чибиса. И пою, обращаясь к ним: «Не кричи, пернатый, не тревожься зря ты. Не войдем мы в твой зеленый сад...» Я пою, но моих гонителей песня явно не успокаивает. Они стонут: «Ай-ай», возмущаются: «Ах-ах!» и пугают меня шумом своих нескладных крыльев.

Мне так надоели их причитания, что я ускоряю шаг. Но чибисы продолжают следовать за мной. «Иди! Иди!» — кри-

чат они мне. «Ах! Ах!» — но это уже для всего остального птичьего мира. Напуганный ими пернатый народ вылетает из травы, срывается с мокрых ветвей кустарника и скрывается в лесу, к которому я наконец-то подхожу. И вот чибисы один за другим отстают от меня.

Вхожу в лес. Чувствую, как холодная капля, а за ней еще одна стекают за ворот рубашки. Передергиваю плечами. Ловлю себя на мысли, что в поведении чибисов есть много схожего с нами. Мы также нередко ахаем и охаем, жалуемся и плачем. Мы придумываем себе врагов, выискиваем опасность там, где ее нет. Доводим себя до истерики, сводим близких с ума и говорим, что вот-вот умрем. Но живем, скрывая от самих себя радость прожитого дня.

Снимаю кепку, стряхиваю с нее капли и обнаруживаю, что дождь кончился. Ну слава Богу!

* * *

Тропинка, зажатая ольховой порослью, сбегает вниз, в овраг, к роднику. Иду за водой. Прямо передо мной защелкал, засвистел соловей. Затаив дыхание, я остановился. Никогда так близко не приходилось мне слушать певца любви. От волнения гулко билось сердце. Как можно осторожнее опустив ведра, стал вглядываться в сетку ветвей, склонившихся над тропой. Все ближе подкрадывался я к поющеющей птице. А вот и он! Вот он! Вот, совсем рядом! Даже не верится. Неужели это правда?! Как в театре теней. На фоне золотистого восхода черная сетка ветвей и, словно вырезанный из бумаги, силуэт соловья. Так вот ты какой, герой стихов и песен! Словно завороженный, стоял я и слушал. А соловей?

Соловей пел. Пел так самозабвенно, так страстно! Как он пел для нее! Той, что где-то затаилась в гуще кустов. На всю округу громко пел соловей о своей любви, громко — на весь мир. Как он любил! Я видел, как вздрогивали его крыльшки, как был приоткрыт клювик, как колебалось воистину золотое горлышко. Ничего для него сейчас не существовало на свете. Только одна всепоглощающая страсть, одна великая любовь! К горлу что-то подступило, вздрогнуло в груди. Соловей замолк и в мгновение ока пропал из вида.

«Боже! Отец наш небесный, — думал я, подходя к роднику, — одари всех нас такой любовью. Одари нас способностью так самозабвенно любить. Дай нам пережить такой же ураган страсти, прежде чем ты привозишь нас к себе».

Солнце обнимало меня. Невероятно пахли земля, вода, трава, деревья. Шла весна, и было ощущение счастья.

Творческий семинар на берегу океана.
Ю.Лебедев, В.Шапошников, М.Базанков, Дж.Хоган

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ЛИТЕРАТУРА «НА ВЕРЕВОЧКЕ»

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль...

Борис Пастернак

Понимаю, о том, что сделано, осуществилось, надо писать скучно, информационно. Писать скучно — не диво, если не переживал, не испытывал особенно сильных чувств, никого не любил, не жалел, никому не сострадал. Если не терзает многолетняя правда: хорошо и много задумывалось, да мало осуществилось, перешли издания на долгие сроки — обмануты надежды. Почему так? Мало ли общественных обстоятельств за эти годы переменилось, но прежний остался спрос. В провинции он всегда капризен: каждый знает больше и умеет лучше.

Несколько писателей мира выражали мысль: провинция может оказаться для таланта долговременной угарной баней, в которой угороют до смерти и не замечают, если поддаются местнической суете. И все-таки думаю, что подлинный талант мужает и укрепляется «дома», умудряясь уцелеть без угара, наращивать творческую состоятельность. Для этого необходимо

мы нравственный фундамент от происхождения, высокий ориентир и умение делом укрощать претензии завистливых «сумников». Несмотря ни на что, оставаться самим собой, сохранять достоинство и честь. Уже сказано: честь — это и есть весь человек. «Согласитесь кротко улыбаться на каждое оскорбление и безропотно утираться после каждого плевка в вашу сторону и Вы получите общество навсегда униженных бесчувственных рабов». Он же, Николай Бердяев, говорил, что самоутверждение человека ведет к самоотрицанию; утверждающая только себя, любящая только себя личность разлагается и становится опасной не только для близко с ней соприкасаемых коллег, но и для общества. Не кроется ли здесь одна из причин всех наших неудач и страданий? Разве мы не испытывали на себе интриганство таких личностей? Правда, есть один добный совет: «Делай, что должно. И будь что будет». Так вот об этом деле, которое представляется спасительным, можно сказать подробнее.

1

Длительное время профессия писателя не была опасной и вдруг оказалась в зоне «повышенного риска»: вместо идеологического давления мы получили экономическое и унижение невостребованностью. Реформы «перевернули» душевые устремления, сориентировали людей на новые ценности? «В столицах шум, гремят витии. Идет словесная война...» В столицах на пятнадцать лет затянулись разборки-дележки. А областные писательские организации остались у разбитого корыта. Позволило писателям тех областей, которые побогаче экономически, где администраторы были дальновиднее.

По времени, по настроению песня поется и печатное слово дается. Чем жили мы, чем спасались под «суховеями», в атмосфере двойного предательства, избавляющей от совести, чести, достоинства? Верой, верностью призванию, литературой в главных ее качествах по традициям классики — литературой добра, сочувствия, сострадания, красоты, духовной опоры. Но чтобы она была, сохранилась, ее надо культивировать.

Вспоминаются, видятся кривые ухмылки по поводу наших тоненьких книжиц. Вспоминается и первый издательский опыт — сборник польских поэтов на русском «Обетованный край» (Кострома, 1989 г. 27 страничек. 10 авторов. Переводы Н.Снеговой, Вяч. Смирнова. Тираж — 500 экз.). С этого издания и пошла поэтическая серия приложением к ежемесячнику «Литературная Кострома». Без дотации и предварительных издательских планов. Сергей Потехин, Леонид Попов, Виктор

Лапшин, Николай Зайцев, Борис Дроздов и другие получили свои книжки в этой серии. И зашевелился соревновательный спрос: того и этого издали, а меня нет, меня надо бы вперед, я лучше...

Были и такие претензии: «В коллективном сборнике подборки у других поэтов по 300 строк, а у меня только 150, в два раза меньше. Я вот на вас посмотрю. Вы меня зажимаете, я устрою вам за это!» Забавно, однако. То ли еще будет! «Подожди, издатель, мы тебя отблагодарим, мы тебе покажем, как наживаться на трудах наших по зарубежному опыту!»

Восемь лет назад получился обстоятельный диалог с известным американским писателем Чарльзом Итоном. Разговаривали о жизни, литературе. Я показал первые книжицы поэтической серии. Маленькие, вместительной верстки, без каких-либо издательских излишеств, к сожалению, без простора — «без воздуха».

Чарльз Итон с пониманием уточнил:

— О'кэй. Бразильский опыт. Литература «на веревочке».

— Нет, — говорю. — Это у нас в Костроме. Мой эксперимент без веревочек. Сам редактор, художник, издатель. Быстрее и проще, без лишних затрат.

Такой опыт, конечно, был и раньше в России. Скромные благотворительные издания для народа выпускал Иван Сытин. Что скажет американцу имя? Нам оно дорого, гордимся. И.Д.Сытин впервые в российской истории предпринял выпуск Народной, Детской и Военной энциклопедий. Начинал с единственным достоянием — нравственным здоровьем и крестьянской любовью к труду. При почтении к Слову накануне Первой мировой войны давал стране четверть всей книжной продукции. А прославился еще и тем, что книги его предназначались народу, — он распространял миллионы экземпляров в самых глухих местах.

— Хороший бизнес. Большой успех, — определяет Чарльз.

— Не такая главная цель, — поясняю. — Просвещение. Работа не на себя, для людей.

Позднее, через два или три дня в университетской библиотеке, перелистывая периодику, вычитал, что крестьяне из отдаленных сельских районов, рыбаки, заводские рабочие, ночующие в бараках, нищие, но гордые, то радостные, то печальные, получают излюбленное чтение «на веревочке».

Что же это за литература? Небольшие по формату издания (11x15 см) объемом 8-16 или 32-48 страниц с неброской обложкой и фронтисписом. Появились они в конце прошлого столетия в северо-восточной Бразилии. Их продавали на ярмарках, на рынках, в центрах хозяйственной деятельности,

развешивая на проволоке или на веревке, как белье на пропушку. В начале 80-х годов ХХ века со своими сочинениями выступали (рекламируя и раздаривая) 2500 поэтов.

Бразильские власти, католическая церковь быстро осознали значение этих книг, потому такая литература часто издается на средства официальных учреждений, католических ассоциаций и университетов. А поэты при этом обязаны доносить до широкой публики определенную информацию.

2

Не угласло желание выпевать пережитое. По тем же причинам приложениями к ежемесячнику издавали мы небольшие сборники. Печатали их там, где выгоднее, дешевле. И заронили опыт по всей области: в районных газетах пошли «Книги в газете», приложения. Началось с той самой литературы «на веревочке». Выстрадав опыт, выбиваясь из унизительной бедности, последовательно тянулись мы к более объемным качественным изданиям: «Антология костромской поэзии», альманах, книги прозы О.Гуссаковской, К.Абатурова, Б.Бочкирева, П.Румянцева, В.Старателева, А.Акишина... Теперь замахиваемся на издание романов, избранных произведений. Пока без надежного финансирования.

Недавно вышла книга В.Шапошникова, в приостановленной прокатке тираж сборника «Дозор» В.Лапшина, идут к читателям «Облака над озером» С.Виноградовой, «Фольклорная практика» А.Хлябинова, «Местной почвы певчая щепоть» Ю.Разгуляева. Наложены к производству роман О.Гуссаковской, «Избранное» К.Абатурова, романы и повести нескольких авторов, складывается антология костромского рассказа, готовится альманах «Кострома»-2001, ожидают выхода перенесенные из других лет сборники. Впрочем, о планах вообще трудно говорить, если состоявшаяся книга А.Акишина в оригинал-макете все еще в цехе типографии с 98 года без оплаты; альманах, посвященный 55-летию Победы, до сих пор не профинансирован. И не выдана зарплата (с давностью больше года) тем, кто готовил оригинал-макеты, оформлял издания гравюрами. Департамент культуры, под чьим заботливым крылом оказались писатели, объят многими иными проблемами...

Опять кого винить? Конечно, издателя: не затевал бы, посиживал, как раньше было в писательских организациях. А раньше дискутировали, оценивали рукописи, рекомендовали к печати. С финансированием, изданием и реализацией — никаких особых хлопот. Сейчас один у десяти бед. Взялся —

делай, сделал — оплачивай. Рад бы ускорить издание книг А.Беляева, Л.Попова, Е.Разумова, О.Каликина, В.Пашина, О.Хомякова, М.Зайцева, В.Старостина, Ст.Михайлова, П.Корнилова, других упомянутых здесь и неупомянутых еще, но парить-то на чем, а? Иногда случается надежда. Бывали «удачи» в Галиче, Буе, Шарье, Мантурове, Нее — понимают администраторы: выделяя средства на издание, поддерживают в первую очередь не областную писательскую организацию, а творческих людей, культуру, просвещение (почти весь тираж каждого издания бесплатно передаем в школы и библиотеки).

На первый взгляд, любая книга тиражом в пределах облассти убыточна. Но это беспокоит, если смотреть с позиции сиюминутной выгоды, искать непременную прибыль. И находятся учетчики возмущенные: «Зачем издавать, если не читают? Не до того!» Что ж, давайте жить без ориентира на будущее в «корытной» философии и деградируем, утратим способность чувствовать, мыслить. Конечно, и память выветрится. Без литературы как же? Ученые давно утверждают: лучший способ укрепления, развития памяти в любом возрасте — чтение, пересказывание и заучивание литературных текстов. Может быть, живущие одним днем, гордясь «нечитанием», видят и собственную перспективу в рамках общества без интеллектуального производства?

Представишь двести литераторов области без единого издания в течение 15 лет — мороз по коже. Необозначенные, неуслышанные — вычеркнутые из общественной жизни, отторгнутые от предназначения. Не придут на смену, не станут зорче.

Но изданий выходит больше, чем раньше. И что же?

Кустарная издательская инициатива, сколачивание «группировок» порождают спешные «медвежьи услуги», валом гонят книжки, девальвируя Слово. Потому цитирую Лессинга «Нет существа более обидчивого, более язвительного, чем несостоявшийся писатель». Опубликовал В.Ростокин из Волгоградской области про таких статью «Сороки в соловьевином саду», а они взъерепенились и страшат его: «Если продолжишь писание брехни про нас, тогда мы тебя убьем». Выходит, и с этой стороны наша профессия опасна. Редактора тоже пугают. Не принял к продвижению панибратски «одобренную» многоопытным интриганом рукопись графомана — пойдет накат по всем координатам: «Зажимает таланты!»

Однако жизнеустроительное творческое дело не исчезнет. И все мы, объединенные главным жизненным интересом, находимся, что местные чиновники по всей России «дадут нашей жизни вдох». Завершится на местах странное «упоря-до-чи-чивание», выработается система поддержки профессиональных

писателей и молодых литераторов. Мы много пережили, вынесли, стерпели. Многое знаем, умеем, опыт не отнять никакими наветами. Как говорится в народе, и работы не боимся, только варева давай.

3

До сих пор писательская организация даже компьютера не имеет. А везде — новая издательская технология. Удивляюсь, каким-то чудом удавалось издавать не только литературу «на веревочке». Как же? Были годы особые. Вы просил «закладную» сумму на издание, затем в течение трех лет «доскребай» по инстанциям, вытягивай «слезничками» запланированное, проживая в постоянномстыдливом долгур перед типографией. Что прошло — миновало, пускай печаль воспоминаний не угнетает нас... В мае 1989 года распахнулось первое спасительное окно для авторов. Начинался ежемесячник «Литературная Кострома» на 16 полосах тиражом 15 тысяч, объективно снижаятиражность, просуществовал до конца 1995 года, хотя по задумке отводился ему трехлетний срок — до перерастания в журнал. Возьмем в среднем на номер 10 авторских публикаций (с учетом вынужденных «анекдотических» номеров) и можем сказать, что из этого «окна» литераторы восемьсот раз обращались к читателям. Немало, правда? А сколько новых голосов разных творческих направлений обозначено в такие суровые годы? Пусть придиличные «аналитики» в поисках соломинки в чужом глазу по своей методике подсчета голосов это сделают для собственного посрамления. Мы же вместе с читателями, педагогами, музеиными и библиотечными работниками еще не раз вспомним все лучшее, будем хранить спецвыпуски, посвященные жизни и творчеству С. Есенина, В. Маяковского, Б. Васильева, земляков П. Катенина, В. Максимова, С. Маркова, А. Зиновьева, Е. Осетрова, Л. Воробьева и других писателей, достойных долговременной памяти.

На основе ежемесячника пошла литература «на веревочке», конечно (с экономической целесообразностью), в первую очередь получили «отдушину» поэты. Удалось малыми силами и средствами выпустить в свет более 60 книг прозы и поэзии. Почти к половине из них издатель «удосужился» написать вступительные статьи или творческие портреты, заметки об особенностях литературной работы. Требуется количество авторов, представленных коллективными изданиями? «Антология костромской поэзии» — 40, четыре выпуска сборника «Кострома» — соответственно: 52, 51, 63, 82. Какой наивный издатель — гонится за количеством. Зачем эта «массовость»?

А сочувствие к живущим в забвении, не окликаемым хотя бы раз в году? Время такое, коммерческий диктат его суровый вычеркивает сочинителей с поля словесности, только смирись — быстро забудется, что еще живы. Цифры имеют и на будущее значение, а нынче они — назидательный знак для тех, кому выгодно утверждать, что заглохла творческая работа. Потому вынужден упомянуть Дни литературы в районах, зональные семинары, авторские вечера, презентации книг и другие формы общения.

К жизни литературы «на веревочке» благотворно причастны: радиопередачи «Антология костромской прозы» (почти тридцать) — годовой цикл, осуществленный в творческом содружестве с Е.А.Мячиной. С начала этого года председатель ГТРК С.К.Ситников дал добро на два телевизионных цикла: «Писатель и его время», «Рифма, звучная подруга». Постепенно становятся они привычно необходимыми.

Имею отношение к изданиям и в качестве художника — бывали удачи: «от моей руки» получили неплохое художественное лицо сборники О.Коловой, Т.Иноземцевой, Л.Попова, С.Виноградовой, Ю.Разгуляева, В.Смирнова, А.Хлябина, Антология, некоторые выпуски альманаха...

Издательскую увлеченность не проргламменируешь. Это наравне с писательством сладкая каторга. Редко, но утешаешься конечным результатом. «Сплюсовывая» сделанное на историю костромской словесности, обретаешь уверенность: оппоненты уже не вытопчут его — сапог не хватит. Нарастает ощущение, что и свое индивидуальное слово в литературе имеется. Высокая критика и читатели пророчат новое прочтение и востребованность в другом веке романа «Вольному воля», сборника «Самое дорогое», нескольких рассказов и очерков. Бог даст, из любви к родине, землякам, из понимания истории, значения нравственных основ заземленного крестьянского образа жизни при философии памяти что-то еще получится на добром художественном уровне. Так же думаю, зная литературные таланты, о каждом из близких мне коллег. Вера и надежда, «жгучая кровная связь с каждой избою и тучею» ведут нас праведным путем. «А вороны? Пускай они каркают...»

* * *

Достиинства творческого труда не определяются тусовочной шумихой, келейными ориентирами, по организованному в далеких от литературы целях «общественному мнению». Некоторых начинающих творцов это сбивает с пути, мешает слышать и чувствовать себя, собственное Слово.

Известными подвижниками давно подмечено, и нынче жизнь подтверждает: вместе с дарованными способностями вдохновенному человеку отведена и часть горестного дара — притягивать, выявлять вокруг себя ненависть мстительных посредственостей, избалованных почестями властолюбцев, ленивцев и подлецов. В групповщинной возне, в стаях они подогревают и мусолят, а затем пропагандируют мнение о собственной непогрешимой значительности. Но сама литература делается чистосердечными уединенными усилиями.

Для реализации способностей нужны условия, в том числе и — минимум материальной обеспеченности. Стихийное, кустарное производство книг в нашей области — не всестороннее благо, если думать о качестве, о тонкостях профессионального свойства. Одновременно с «самиздатом», с литературой «на веревочке» потребуются долговременные книги, созданные в объединенном областном издательском центре, способном стать базой просвещения, воспитания и культуры. Но рынок, рынок... Но — чиновники, чиновники с упорядочиванием. Затратно, видите ли. Будто что-либо достойное создается без материальных и душевных затрат. Культура всегда была дотационна. Основа, фундамент ее испокон веков слагается из того, что создается Словом.

А годы проходят, все лучшие годы. И не только писательские. Отметая пылинки печальной иронии, остаюсь работоспособным при неугасающих надеждах. Когда-нибудь сделанное пригодится, будет признано. Иногда сомневаюсь: столько сил и времени отдано литературе «на веревочке»? Но вместо нее за пятнадцать лет что-нибудь еще удалось? Так мало сделано? А «за бесплатно» чего еще ждете-с нынче, господа? Не желаете ли, чтобы издатель и медведя на цепи водил, заставлял его плясать под чужую дудку, слагать оды в вашу честь. Не желаете? Облегченно вздыхаю. Ставлю точку. Как сложилось — так сложилось. По времени — песня, по времени — мечтание... Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно... Помоги, Господи, каждому амбициозному «нравственнику» в XXI веке при лучших условиях поработать хотя бы года три с неблагодарной нагрузкой на себя — для других. А я не стану никого упрекать за то, что моими наработками воспользуются. Только порадуюсь.

Михаил БАЗАНКОВ

Содержание

Предисловие	3
Станислав Золотцев. Любовь к этой земле	4
Юрий Лебедев. О смысле литературного творчества	6
Роман Семенов. На переломе времени	8
Вячеслав Шапошников. О поэзии	9
Юрий Разгуляев. Стихи	10
Николай Востров. Стихи	12
Ольга Колова. Стихи	15
Константин Абатуров. Светить всегда!	19
Зинаида Чалунина. Стихи	22
Виктор Хохлов. У нас были личности	25
Анатолий Беляев. Старое фото....	31
Виктор Смирнов. Стихи	32
Татьяна Дмитриева. Стихи	34
Борис Бочкин. Пожелание	37
Александр Бурлаков. Стихи.....	37
Алексей Зябликов. Стихи	40
Дмитрий Тишинков. Стихи	42
Фаина Соломатова. Жаворонок	44
Светлана Виноградова. Стихи	46
Павел Корнилов. Этюды	48
Юрий Балакин. Стихи	50
Евстolia Прокофьевa. Рассказы	52
Алевтина Алферова. Марьянка	55
Ольга Гуссаковская. Пусть будет зорче идущий следом	65
Виталий Пашин. Шутки не в сторону!..	69

Евгений Бойцов. <i>Пародии</i>	70
Вячеслав Дробышев. <i>Стихи</i>	73
Николай Янкин. Неожиданный визит	74
Ирина Блинова. <i>Стихи</i>	76
Вячеслав Арсентьев. Из рассказа «Случай в деревне»..	78
Павел Мельников. <i>Стихи</i>	79
Александр Хлябинов. «Духарик»	82
Татьяна Голятина. <i>Стихи</i>	83
Герман Котов. Северные малютки	85
Наталья Мусинова. <i>Стихи</i>	86
Анатолий Смердов. Нечистая сила	89
Татьяна Расулова. <i>Стихи</i>	90
Юлия Медведева. Мужское имя	91
Ольга Херувимова. <i>Стихи</i>	94
Юрий Гусев. Из рассказа «Обнаженные юнкера»	96
Леонид Агарков. <i>Стихи</i>	98
Лия Горбунова. Дракон	101
Галина Попова. <i>Стихи</i>	102
Елена Еленина. Телохранитель	103
Елена Шестакова. <i>Стихи</i>	105
Андрей Федоров. Три весенних утра	107
Михаил Базанков. Литература «на веревочке»	110

ПУСТЬ БУДЕТ ЗОРЧЕ ИДУЩИЙ СЛЕДОМ

**Литературно-художественный сборник
(областные творческие семинары)**

Издания Костромской областной писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:

156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.

Костромская областная писательская

организация. Телефоны: 31-21-09, 31-35-02.

Web page: <http://www.kosnet.ru/~bam>

Композиция, общее и художественное

редактирование, оформление — **М.Ф.Базанков**

Редакторы — **Е.А.Разумов, М.Ф.Базанков**

Техническое редактирование, компьютерный

набор и оригинал-макет — **А.М.Базанков**

Корректура — **Е.А.Разумов, Н.Т.Перетягина**

Издание осуществлено при участии

администрации Костромской области

Сдано в набор 11.09.2000. Подписано в печать 10.10.2000.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд.л. 8,4. Усл. п. листов 7,5. Заказ №4656.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в областной типографии им. М.Горького
Департамента по делам телерадиовещания, печати и массовой
информации администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.